Григорова Юлия

НАСЛЕДНИЦА ДВУХ РОДОВ

18+

Юлия Григорова

Наследница двух родов

Серия «Наследие трех судеб», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69201091
SelfPub; 2023

Аннотация

Два года назад жизнь Вентиры перевернулась. Обретённый дар стал проклятьем, а фибула, отданная девушке на хранение и игравшая роль тюрьмы для разума могущественного существа, оказалась куда опасней, чем можно представить. Ведь если ты бывший Бог, то не будешь попусту терять время в каком-то украшении, особенно если над миром висит угроза уничтожения, и тебе предстоит быть уничтоженным вместе с ним. Встретив в своём доме незваного гостя, явившегося за фибулой, Вентира ступила на опасный путь, не представляя, куда он заведёт.

Содержание

Пролог. Ночью на пляже 4
Глава 1. Невыполнимое задание 8
Глава 2. Королевский приказ 25
Глава 3. Принц в ракушке 38
Глава 4. Воспоминания и силы 54
Глава 5. Путь к неизвестности 87
Конец ознакомительного фрагмента. 89

Юлия Григорова
Наследница двух родов

Пролог. Ночью на пляже

Вестница конца.

Серебристый свет отражался в чёрной воде и разливался на всю округу, разгоняя сгустившуюся тьму. Сегодня луна была настолько большой, что казалась величиной с корабль, покачивающийся на бурных волнах вдали от берега. Отражаясь в темноте моря, огромный светящийся шар создавал умиротворённую и спокойную атмосферу ночи. Красоту неба усиливали рассыпавшиеся по нему звёзды и облака, едва видневшиеся вдали. Это было великолепное зрелище, от которого оказалось очень трудно отвести взгляд. Почему именно в этот день ночное небо показалось мне особенно прекрасным? Никогда прежде я не обращала на него внимания, а стоило посмотреть сегодня и сразу перехватило дыхание. Просто раньше у меня не было на это времени.

С замиранием сердца я ожидала главного ответа за всю свою жизнь, и очень боялась услышать беспрекословный отказ. В этот момент под столь восхитительным небом решалась не только моя судьба. Казалось, весь мир замер в ожи-

дании всего одного слова от существа, застывшего в метре от меня. Длинный чёрный балахон полностью скрывал его фигуру, а капюшон на голове не позволял рассмотреть лица. Его ноги увязли в песке по щиколотку, но мужчина не обращал на это внимания. Стоя ко мне спиной, он тоже рассматривал небо и поверхность воды, в которой отражался огромный шар луны, казавшийся сияющим зеркалом, простирающимся над тёмными водами. Рябь волн искажала отражение, создавая нежный, колеблющийся узор из света и тени. На фоне всей этой красоты, фигура в чёрном балахоне выглядела слишком зловещей, будоража одним своим присутствием, и стоило перевести на неё взгляд, как волна мурашек пробежалась по спине от затылка к пояснице.

– А что взамен? – неожиданно поинтересовался безумно красивый мужской голос, и существо посмотрело на меня. Капюшон сдвинулся, приоткрывая вид на суровое, но прекрасное лицо. Не освещённые луной его глаза выглядели чёрными, и я поёжилась от их вида. Этот вопрос оказался настолько неожиданным, что я растерялась, ведь считала платой за свою просьбу именно те преимущества, которые он получит перед другими. Наблюдая за лицом и глазами собеседника, я поняла – это не та цена за подобную просьбу.

– У меня ничего нет, – спокойно сказала я, ведь у меня ничего и не было. Материальные ценности в виде поместья, слуг, золота, это существо точно не волновали. Ведь ему и так был доступен целый мир. Лицо собеседника не измени-

лось и не дёрнулось, а вот волны позади с каждым разом всё сильнее налетали на скалистую часть берега. Брызги от них начинали достигать нас. Мы стояли на пляже, возле пристани, считавшейся частью моего поместья. Именно здесь должна была пройти моя свадьба, и здесь мне было суждено прожить многие годы с принцем Уильямом, год назад считавшимся моим женихом. Всё изменилось слишком быстро, принц погиб, но судьба всё равно привела меня сюда.

– Ты даже не представляешь, как сильно ошибаешься, – тихо проговорил собеседник.

– Всё что угодно, только помогите мне скрыть её существование. Заставьте их поверить, что она умерла, – говоря это, я не боялась за себя. Ведь что со мной могут сделать? Убить? Я не могла умереть. Дар бессмертия, доставшийся мне по наследству от отца, всё равно вернёт меня к жизни, что бы ни случилось. И насколько я знала, никто не мог лишить меня этого.

– Ты, – спокойно сказал собеседник, и я не сразу поняла смысла произнесённого слова. – Мне будет нужна твоя беспрекословная преданность, вот что действительно окажется преимуществом перед всеми, – видя моё замешательство, пояснил он.

– Всё что угодно, – повторила я, отчеканивая слова.

– Ловлю на слове, – мужчина усмехнулся так, что только один уголок губ приподнялся, а затем он отвернулся и пошёл в сторону пристани. – Ты идёшь? Лодка, что достави-

ла меня сюда от границы, там пришвартована. Как только мы окажемся за пределами страны, я спрячу нас на некоторое время, и ты сможешь убедиться, что я выполнил свою часть сделки, дабы лишить тебя любых мыслей о моём бесчестии, – бросил он себе за спину, и я сорвалась с места, последовав за ним. Даже не представляя, что теперь всегда и везде буду следовать только за ним.

Глава 1. Невыполнимое задание

Год спустя

Вестница конца.

Руины замка на острове сохранились довольно неплохо. Увидев их впервые в жизни и сравнив с теми, которые довелось посетить прежде, я была приятно удивлена. Массивные каменные стены почернели от пожара, все деревянные элементы оказались утрачены, но над отдельными участками сохранилась черепичная крыша. Правда, покачиваясь от резких порывов ветра, она так и норовила рухнуть вместе с обветшалой конструкцией, за которую цеплялась. Сюда никто не приплывал более двадцати лет, и единственное, что портило общую картину – это следы столь длительного запустения, а не последствия пожара. Если сравнивать увиденное с тем местом, где прятались жители столицы после нападения вражеской армии, то этот замок явно был построен более грандиозным. Хотелось бы мне увидеть их оба в лучшие времена, до того, как все жители были убиты, а внутреннее убранство превратилось в пепел.

Рассматривая уцелевшие каменные стены, я обошла вокруг руин в поисках самой сохранившейся части, и только спустя несколько часов после прибытия, осмелилась войти внутрь. Множественные коридоры петляли, превращаясь в лабиринт, заваленный обгорелым мусором, под которым

почти нигде не просматривались плиты мраморного пола. Единственным местом, где я их увидела, была парадная лестница, которая поднималась с первого этажа в никуда. Деревянные перекрытия полностью выгорели, а те, что сохранились, прогнили и обрушились. Всё выше уровня второго этажа перестало существовать, и, посмотрев вверх, я могла увидеть шпиль самой высокой башни, опасно качающейся на ветру. Вот будет забавно, если она решит рухнуть именно во время моего пребывания на острове. Умереть под обломками древнего замка совета, стоявшего пустым и запущенным более двадцати лет – глупее смерти не придумаешь. Как хорошо, что я не могу умереть.

Разгребать завалы мусора не имело смысла. Первичный осмотр внутренних помещений позволил сделать главное заключение: моя поездка сюда оказалась напрасной. Никаких книг, свитков или записей явно не сохранилось. Огонь слишком беспощаден к такого рода вещам, и если добрался до библиотеки, то от неё точно ничего не осталось. Рыться в углях нет необходимости и смысла. А от осознания, что тела людей, погибших здесь в ту ночь, никто так и не убрал, и я могу наткнуться на их кости, стало совсем не по себе. Ощутив себя, словно на кладбище и поёжившись от очередного порыва морского ветра, я поспешила уйти подальше от руин и вернулась к самой уцелевшей части замка – массивной крепостной стене, огибающей всё строение по периметру. С неё на меня хоть точно ничего не обрушится.

Обустроив себе спальное место и позаботившись о костре рядом, я прислонилась к стене и достала из сумки книгу, надеясь перед сном прочитать хоть пару страниц. В стоявшей темноте руины выглядели куда страшнее, нежели в вечерних сумерках, когда я только прибыла сюда. Ночь оказалась безлунной, оттого создавалось впечатление, словно остров накрыла пелена тьмы, скрыв его под собой от посторонних глаз. Очертания руин удавалось рассмотреть с трудом, но свою роль сыграли ещё и языки пламени костра. Из-за источаемого ими света всё, что располагалось на расстоянии нескольких метров от моего лагеря, выглядело куда темнее, нежели на самом деле.

Стоило открыть книгу, как из неё мне на колени выпал пожелтевший и помятый лист бумаги. Подняв и развернув его, я пробежалась глазами по выцветшим буквам, написанным знакомым почерком: “Много веков назад семь могущественных существ создали наш мир, уничтожив предыдущий. Такое случалось и прежде, множество тысяч раз, но сохранилось только в их памяти. Называя себя Богами, они упивались властью, получая силу от веры людей, и развлекались, наблюдая за развитием и угасанием цивилизации. Стоило существам разочароваться в человечестве, и они без промедлений и жалости стирали всё созданное и начинали с самого начала. Наш мир продержался дольше предыдущих из-за множества ошибок, совершённых Богами, и их попыток всё исправить.

Чёрная страница истории началась в момент рождения первых людей с зелёными глазами, наделённых частицей божественной силы. Почувствовав преимущество, они с лёгкостью поработили мир и начали вести войны друг с другом за право владеть им. Вместо полного уничтожения зарвавшихся выскочек Боги решили посмотреть, во что выльется эта ошибка, и совершили ещё одну. Выбрав трёх человек, они наделили их силой, способной обуздать людей с зелёными глазами и велели взять остальных под контроль, что те и сделали.

Так появился совет и его первые три лидера: Эммануэль Виндед, Джордан Фроландин и Эдвин Кленский. Их имена знал каждый, кто попадал в ряды совета, они были записаны в древних книгах, выгравированы на стенах замков, пока те ещё существовали. Именно эти люди вынудили Богов заключить договор, ограничивающий их силы на территории целой страны до необходимых для естественного хода жизни, скрепив его нерушимой клятвой. Благодаря им наш мир продержался так долго и существует до сих пор. Моё же имя, Вентира Аполинария Кленская, будет записано в книгах, как имя той, кто стала причиной уничтожения всей цивилизации, но это неважно, ведь прочитать его будет некому.

Пытаясь исправить главную ошибку и вернуть власть над миром, Боги подставили и изгнали одного из своих. Переродившись человеком, наделённым даром бессмертия, он прожил сто пятнадцать лет, пока не был возвращён на законное

место. Это изгнание служило только одной цели – передать дар божественного бессмертия наследникам, рождённым с кровью древних родов и наделённых силой, не ограниченной территориями. Ведь только появление на свет ребёнка, сочетающего в себе эти три условия, может разорвать договор и вернуть Богам власть над всем миром и возможность стереть его.

Изгнанным Богом был мой отец, а таким ребёнком должна была стать я.

Благодаря стечению обстоятельств и предательству одного из существ, я родилась не такой, и теперь Боги готовы пойти на очень многое, ради появления на свет моих детей, попадающих под их требования. Всё это я узнала слишком поздно, когда ничего нельзя было изменить. Теперь мне остаётся только надеяться, что я не стану той, из-за кого мир будет уничтожен. Ведь ни на что другое я оказалась неспособна.

Когда на плечи ложится судьба мира, то меньше всего хочется быть бессмертной, и нести это бремя до конца, до конца чего? Жизни, которая никогда не закончится? Существования человечества, конец которого я только приблизила? Годы, прожитые моим отцом среди людей, оставили неизгладимый отпечаток на его разуме, искоренили способность любить, сопереживать, сочувствовать, и я боюсь уподобиться ему. Вернувшись в ряды Богов и обретя силу, он упивался властью и позволял себе слишком многое, чем и заслу-

жил своё наказание. Его разум был заключён в фибулу в виде кленового листа, и год назад я выкинула её, и с тех пор каждый день ждала того момента, когда за ней придут.” – я помнила, как писала это почти год назад. Тогда я ещё не знала, где окажусь и чем мне предстоит заниматься всё это время. В глубине души мне очень хотелось вернуться в тот день и всё переиграть. Свернув лист, я вложила его между страниц книги и погрузилась в чтение, но света от костра не хватало и приходилось сильно напрягать глаза.

Шум прибоя, крики птиц и шелест травы на ветру успокаивали, и я сама не поняла, как смогла задремать сидя, да ещё и с книгой на коленях. Повлияла усталость, не иначе, ведь за весь день мне не довелось сделать полноценного привала, и только здесь, на острове, смогла, наконец, присесть впервые с самого рассвета.

– Легенды о Богах, серьёзно? Могла бы меня спросить, коль так интересно, – раздался неожиданно знакомый голос, заставивший меня вздрогнуть и проснуться. Книги на коленях не оказалось, и я покосилась в сторону устроившегося рядом мужчины. Он-то и крутил её в руках, рассматривая страницы и перелистывая одну за другой. Проведя рукой по лицу и растрепав волосы, я устало обрушила голову прямо на его плечо и снова закрыла глаза, пытаясь сохранить бодрствование.

– Ты мне ничего не рассказываешь, – недовольно отозвалась я, а мужчина едва заметно дёрнул плечами. Не покойся

моя голова на одном из них, я даже не заметила бы этого, как и не заметила его прихода. Ни звука шагов, ни шелеста одежды до меня не доносилось, и я невольно подумала, что он возник из воздуха. Учитывая, кто он, это вполне могло соответствовать действительности.

– По легендам Бог смерти является человеку в виде прекрасного мужчины. Это помогает ему с лёгкостью забрать душу, покинувшую тело, в свои небесные темницы, где ей суждено слиться с остальными и обрести долгожданный покой. Богу смерти не присуща жалость и сострадание, его невозможно уговорить оставить тебя в этом мире или вернуть к родным, – голос мужчины звучал настолько мелодично и умиротворённо, что на моих губах невольно появилась улыбка. Забавно было слышать прочитанное им о нём самом. – Одно враньё. Я ещё и в виде женщин являться могу, и нет у меня никаких небесных темниц, – продолжил он и сунул мне под нос книгу так, что пришлось оторвать голову от его плеча и открыть глаза. – Я что, правда так выгляжу?

Уставившись на страницу, где была изображена фигура в чёрном балахоне, полностью скрывающем очертания тела, а на голове лежал капюшон, который прятал лицо почти наполовину, я перевела сонные глаза на собеседника. Свет костра доставал до нас обоих, и я отчётливо видела бледное, худое лицо, без единого изъяна, обрамлённое выбивающимися из хвоста, чёрными прядями волос. Совершенно безэмоциональное выражение только добавляло ему красоты, и ни кап-

ли не портило. Мне всегда было интересно, в чьём облике он приходит ко мне? В своём, либо же реально существующего человека, который затмил бы в моих глазах образ того, кого я считала самым красивым на свете? Напрямую спросить я не решалась, хоть и вела себя с ним достаточно фамильярно, что сама себе поражалась. Вырвав у собеседника книгу, я захлопнула её и отложила в сторону, предусмотрительно отведя от мужчины взгляд и пожав плечами.

– Нет, что ты, ты само очарование, – буркнула я в ответ, и не поверила, что услышала едва различимый смешок. – Зачем я здесь? В этих развалинах вряд ли что-то уцелело, – задала я главный вопрос и откинулась спиной на стену, уставившись на пламя костра перед собой. Вот уже год Бог смерти говорит мне, что делать, куда ехать и что искать, а я без вопросов, споров и отрицаний, послушно и молча выполняю каждое его слово. Этот раз – не исключение. Именно он велел мне отправиться на остров, к руинам второго замка совета, так ничего и не объяснив. Приняв поездку, как очередной поиск ответов на вопросы и розыски древних книг, чем я и занималась в большинстве предыдущих его поручений, мне и в голову не могло прийти, что сейчас всё иначе.

– Скажи мне, дорогая моя, ты ещё влюблена в Велианта Криста? – вопрос выбил меня из колеи, и я непроизвольно вздрогнула, стоило собеседнику произнести это имя. Подняв глаза на Бога и попытавшись понять, издевается ли он или спрашивает со всей серьёзностью, я не могла ничего опреде-

лить по застывшему, спокойному выражению лица.

Велиант Крист и был тем самым человеком, которого я считала самым красивым в мире. Наша история не была похожа на обычную любовную линию в романе. Я до сих пор не понимала, как у меня могли появиться к нему какие-либо чувства после всего, что он сделал. Да и какого рода эти чувства, если они и были, оставалось для меня загадкой. Когда мы виделись в последний раз, два года назад, то договорились писать друг другу, что и делали до тех пор, пока Бог смерти не намекнул об опасности, угрожавшей Велианту от Богов. Ожидая рождения особенного ребёнка, способного разорвать клятву, они надеялись свести меня с кем-то поближе, и вполне осознанно могли навредить лорду Кристу, предположив о моей влюблённости в него. Ведь если он мой избранник, то я не стану вступать в интимные отношения с другими, а он сам остался на службе в соседней стране, королевстве Брундерк, и не планировал возвращаться в нашу. Мне пришлось перестать отвечать на письма, ради его безопасности.

– Какое это имеет отношение к твоему приказу прибыть на этот остров? – прямо спросила я, оставив вопрос без ответа. Когда собеседник посмотрел на меня, по спине пробежала волна мурашек, настолько его взгляд оказался холодным и пронзающим. Каждый раз, когда удавалось заглянуть в эти зелёные глаза, которые смотрели на меня сейчас, я ощущала себя, словно нырнула в холодную воду с головой и непро-

извольно задержала дыхание. Не видя в подобной реакции ничего особенного, давно перестала обращать на неё внимания, ведь существо, что сидит рядом – Бог смерти, он обязан производить такое впечатление, причём на всех без исключения.

– На рассвете сюда прибудет корабль одного из принцев Вильгельмских, он арестует тебя за убийство своего брата, и ты не будешь этому сопротивляться, – спокойно сообщил собеседник, не переставая смотреть на меня. Я не выдержала его взгляд и снова принялась смотреть на огонь в костре, прокручивая в голове услышанную фразу и пытаясь найти связь. Главным, да и единственным недостатком Бога смерти была манера излагать мысли. Он почти никогда не отвечал на вопросы напрямую, а вместо этого выдавал поток информации, среди которой приходилось самой находить ответы. Ясно и чётко Бог говорил только тогда, когда заранее знал реакцию на свои слова и хотел потешить собственное Эго.

– Но я не убивала Уильяма, – на всякий случай уточнила я, вспоминая, что собеседник в тот период был заперт в фибуле, и не участвовал в происходивших событиях. Перед глазами снова встала картина площади в главном портовом городе страны, Эдельстауне, где мой бывший жених, принц Уильям Вильгельмский, пытался арестовать Велианта Криста за неисполнение приказа Бога. Именно тогда я и умерла в первый раз и воскресла спустя несколько дней. Именно тогда Велиант впал в ярость и убил принца и часть его людей.

– Вильгельмский это знает, моя дорогая, как и то, из-за кого Велиант Крист его убил. Твоё пленение будет ими использовано, как попытка выманить Велианта из Брундерка на его собственную казнь. И я возвращаюсь к первому вопросу, влюблена ли ты в него всё ещё и позволишь ли пойти на подобное самоубийство, или я могу о нём не беспокоиться? – пока собеседник говорил, я пыталась понять последствия его слов. Узнав о моём пленении, бросится ли Велиант к Вильгельмским, прекрасно понимая, чем ему это может грозить? Попытается ли он спасти меня ценой собственной жизни, прекрасно зная о моём бессмертии и учитывая отсутствие писем полгода? Ведь мне, в отличие от него, смерть не грозила, после казни я воскресну и ошарашу всех, кто станет тому свидетелем. Всё это не укладывалось в голове, и я продолжала не улавливать смысла, но внезапно поняла, что мне настолько всё равно, как не было прежде никогда.

– Велиант – взрослый человек и имеет право поступать так, как считает нужным, – пожала я плечами, а собеседник приподнял одну бровь в знак удивления, но поспешил вернуть лицу безразличное выражение. – Зачем мне позволять Вильгельмским себя арестовывать? – задала я главный вопрос, согнув одну ногу в колене и обхватив её руками. Насколько я знала, у короля страны, которая лежала по ту сторону моря, было три сына: младший – Уильям, средний – Винсент и старший – Вильгельм, а вот названия их страны я в упор не помнила. Я должна была выйти замуж за само-

го младшего, но всё пошло наперекосяк. Встречаться с родственниками бывшего жениха не хотелось, а тем более, сдаваться им в плен, но раз Бог смерти приказывает, я не имею права его ослушаться.

– Ты должна будешь кое-что сделать для меня, – он произнёс это так, словно у меня был выбор и я могла отказаться, но мы оба знали, что это не так. – След фибулы с разумом твоего отца привёл меня к их порогу, но я не могу заявиться туда и потребовать то, чего у них может и не быть. Это негативно скажется на моей репутации, а зелёных глаз у Вильгельмских нет, стереть им память после такого визита не выйдет. Наблюдения ни к чему не привели, как и мой поверхностный обыск втайне от хозяев, – стоило собеседнику упомянуть фибулу, и я нервно прикусила губу. Ощутив металлический привкус крови, поспешила разжать зубы и провести по губам кончиком языка. Потеря тюрьмы моего отца – это мой просчёт, не стоило выкидывать её, и нечестно, что Богу смерти пришлось потратить год на поиски.

– И я должна вывести их на диалог о фибуле, сидя в их темнице? – недоумённо спросила я, покосившись на собеседника и уже представляя всю абсурдность такого диалога. – Как ты себе это представляешь? Ваше Величество, а у вас случайно, фибулы с символом моего рода не найдётся? Я хотела надеть её на свою казнь, – усмехнулась я, отрицательно качая головой, из-за чего не заметила, как мужчина протянул руку и, коснувшись моего подбородка, повернул к себе

лицом. Сам Бог смерти чуть склонился и оказался со мной почти на одном уровне, из-за чего снова пришлось утонуть в холоде зелёных глаз, которые я начинала ненавидеть. Часто мне хотелось иметь такие же, но увы. Мой карий глаз портил всю картину, в то время как второй – зелёный, не мог даже отдалённо сравниться по красоте с теми, что смотрели на меня сейчас. Пальцы собеседника были мягкими, а прикосновение аккуратным и нежным, но вот кожа оказалась настолько холодной, что у меня подрагивали зубы от расползавшегося от подбородка холода, источаемого его рукой.

– Между твоим арестом и казнью пройдёт немало времени, дорогая моя, ведь они искренне будут считать, что Велиант приедет тебя спасти и будут ждать его. За это продолжительное время тебе предстоит пройти через множество неприятных процедур, уж не знаю, насколько у принцев и их отца разыграется фантазия, но я уверен, что ты справишься с этим. И придумаешь, как вытянуть их на разговор о фибуле и том, где она. Ты же вынесешь всё это ради меня и не подведёшь моё доверие, – от его слов, а тем более действий, вся моя весёлость улетучилась, и лицо приняло серьёзное выражение. Последняя фраза Бога не была вопросом, он говорил утвердительно, потому что знал, что я не могу его подвести. Закрыв глаза, лишь бы разорвать зрительный контакт, я закивала в ответ.

– Конечно, я вынесу всё, что придётся, ради сохранения твоей репутации, – стараясь вложить в голос больше твёр-

дости, ляпнула я, но мужчина словно пропустил мои слова мимо ушей и никак на них не отреагировал. Вместо этого он аккуратно провёл большим пальцем по моей губе в том месте, где я её прикусила, а затем отпустил подбородок. На подушечке его пальца виднелась красная капля, и Бог слизнул её, вызвав у меня очередной поток мурашек на спине.

– Вот и хорошо, а пока тебе следует поспать, возможно, это будет последний полноценный сон за очень долгий срок, – говоря это, он призывно махнул рукой к себе и похлопал ладонью по колену. Вот поспать я и правда не отказалась бы, глаза закрывались сами по себе. Поддавшись на призывы собеседника, я устроила голову у него на коленях и ощутила, как меня накрыли одеялом. Подобная забота от Бога смерти была мне не в новинку, оттого я не выказывала удивления.

Честно говоря, когда я заключала с ним сделку и соглашалась на безоговорочную преданность, то представляла всё совсем не так. Меньше всего я ожидала получать различные обыденные поручения, из которых вот это стало самым серьёзным. Опасения, терзавшие в самом начале, что Бог смерти станет использовать меня в качестве шлюхи, не оправдались. Он не тронул меня в интимном плане, относился ко мне с некой теплотой и неожиданной заботой. Засыпая пару раз у себя в библиотеке поместья, я просыпалась в спальне накрытая одеялом, а слуги понятия не имели, как я там оказалась. Подобных случаев за год насчиты-

валось немало, но ещё больше меня поражало то, как часто он появлялся рядом ради нескольких минут беззаботной беседы или крупицы незначительной помощи. Это поведение не вписывалось в образ Бога смерти, тьмы, хаоса и разрушений, и я списывала всё на тот факт, что в один прекрасный день ему будет нужна моя помощь, ради которой он должен быть полностью уверен во мне и моей преданности, и именно ради этого дня пытается заслужить доверие подобными мелочными поступками.

Цели Бога смерти всегда оставались для меня загадкой. Он говорил, а я исполняла, не ведая зачем, но это не имело никакого значения, ведь я так беспечно продала себя ему и не имела права ослушаться или подвести. Вот и сейчас мне предстояло ощутить на себе роль пленницы. Вероятно, познать пытки и избиения, и посидеть в подземелье Вильгельмских, среди других преступников. А всё ради исправления своей ошибки и розыска фибулы с разумом моего отца – единственного существа, имевшего для Бога смерти хоть какое-то значение.

Да, я как была глупой и наивной девчонкой, ощутившей весь ужас реального мира всего два года назад, а прежде познававшей его только через сборники любовных романов, так ею и осталась, за малым исключением. Я прекрасно понимала, что подобное отношение от Бога сохранится только на то время, пока я представляю для него определённую ценность. Когда он найдёт разум моего отца и будет уверен,

что тому не грозит уничтожение вместе с миром, то с лёгкостью сделает всё, что должен, и о моём спасении даже не задумается. Я не тешила себя надеждами, что своим отношением он показывает ко мне нежные чувства, если он вообще способен что-то чувствовать. Наши взаимоотношения – это игра двух актёров, каждый из которых пытался прощупать и понять замысел другого. Сейчас передо мной стояла трудная задача, и я прикладывала все силы ради её решения, в том числе и играла роль покорной девушки, заслуживая ответного доверия. Я не знала, куда меня приведёт всё это, но должна была придумать способ, как защитить всего двоих от уничтожения вместе с целым миром. Ни братья, ни знакомые, считавшие себя моими друзьями, ни Велиант Крист – никто вокруг меня не волновал, и никого другого спасать я не собиралась, только себя и ту, ради кого заключила сделку. И если мне придётся посостязаться в хитрости с Богами, то я это сделаю.

Устроив голову поудобнее на коленях Бога смерти, второго по могуществу среди Богов, я позволила себе погрузиться в сон, но ещё некоторое время чувствовала, как холодные пальцы перебирают мои длинные, слегка вьющиеся, каштановые волосы. Прикосновение было приятным, умиротворяющим, и я не хотела, чтобы оно прекращалось. В такие минуты слабости, когда я осознавала свои желания, которые шли вразрез с целями, мне по-настоящему становилось страшно. Страшно, что я потеряю голову, и тогда Боги победят, а мы

перестанем существовать.

Глава 2. Королевский приказ

Заблудший.

Тёмно-красная занавеска отгораживала полукруглый столик в самом углу заведения. Диванчик с бархатной обивкой, слегка стёршейся от времени, идеально гармонировал с ней по цвету. Все источники света остались по ту сторону, в основном зале, сюда же доставали лишь отблески свечей и ламп, пробивающиеся под занавеской, либо через неё, но отдавая приглушённым красным светом, придавая этому уединённому закутку определённый шарм. Закинув ноги на стол и скрестив их, я откинулся на спинку дивана и через приоткрытые веки наблюдал за тем, какими медленными и изящными движениями девушка, лет восемнадцати, не старше, стягивает с себя различные элементы одежды. Длинные, вьющиеся каштановые волосы спадали на плечи и ниже, весьма соблазнительно прикрывая небольшую грудь, которую она уже успела оголить. Плоский животик покачивался в такт движениям, привлекая к себе больше внимания, чем те участки юного и прелестного тела, которые оставались всё ещё скрыты под тканью.

Время от времени девушка огибала стол, приближаясь ко мне, наклонялась, мастерски выгибаясь всем телом, и оказывалась почти лицом к лицу, обдувая сладостным ароматом

своих духов. Подобными действиями она явно намеревалась вызвать во мне большее возбуждение и заработать неплохие чаевые. Напрасно. Чем ближе её лицо оказывалось к моему, тем отчётливее я видел светло-карие глаза, и всякое возбуждение пропадало с концами. Войдя в это заведение на самой окраине столицы Апатии, я довольно чётко обозначил требования, и вместо них мне подсовывают вот это. Спасибо за правильный цвет и длину волос, но ведь могли найти девушку хотя бы с более тёмными карими глазами, раз зеленоглазых у них не водилось. А про оба цвета сразу не стоило и мечтать, ведь такой особенностью обладал лишь один человек в целом мире.

Поднеся массивную кружку к губам и сделав несколько глотков отменного эля, я вовремя наклонил голову, иначе очередной элемент одежды прилетел бы прямо мне в лицо. Учитывая, что снят он был с талии, и я даже не представлял, чем являлся прежде, мне показалось неприятным даже сидеть рядом с упавшим на спинку дивана куском фиолетовой ткани. Окинув девушку оценивающим взглядом ещё раз, я недовольно причмокнул, но не мог не согласиться с аппетитностью форм и призывностью движений. Да какое мне дело до цвета глаз? Цена за её обязательную работу всё равно уже уплачена, не пропадать же деньгам. Поставив кружку на стол и опустив ноги на пол, я жестом велел девушке подойти, и по тому, как хитро она улыбнулась, понял – долго она ждала, когда же я сдамся.

Подплыв ко мне с грациозностью кошки, она пробежалась пальцами по вороту моей рубашки и как-то незаметно оказалась на коленях. Годы практики в подобных делах сыграли свою роль, не иначе. Стоило её хрупкой и слишком подвижной руке оказаться под поясом моих брюк, как занавеску резко отдёрнули в сторону, впуская в закуток слишком яркий свет. Сощурившись и прикрыв глаза ладонью на какое-то время, я пытался всмотреться в тёмные фигуры на фоне солнца с улицы. Должно быть, дверь в само заведение они тоже не закрыли, иначе почему здесь так светло? Лампы и свечи создавали другую атмосферу и не резали глаза так сильно.

Девушке возле меня ничего говорить не пришлось, её лицо исказилось от ужаса, она схватила первые попавшиеся тряпки, что раскидала здесь, и стремительно убежала, чуть не запутавшись в занавеске. Проходить мимо незваных гостей ей не хотелось, оттого она решила найти другой путь, это выглядело довольно забавно. Только когда спина девушки скрылась за красной плотной тканью, отделяющей мой закуток от внешнего мира, я смог проморгаться и привыкнуть к новому освещению, а вместе с этим и рассмотреть явившихся людей. Две массивные мужские фигуры в доспехах сразу бросились в глаза. Они возвышались над хрупкой девушкой с совсем ещё детским лицом, закутавшейся в дорогой чёрный плащ. Это самое лицо я не мог не узнать, даже после всего эля, выпитого с самого утра.

– Оставьте нас, – раздался властный и резкий женский голос, от звука которого мне захотелось застонать, но вместо этого я снова закинул ноги на стол и взялся за кружку, которая была опустошена лишь наполовину.

– Но госпожа, – попытался возразить один из солдат, но запнулся и замолчал.

– Побудьте снаружи, – настояла девушка, и теперь я услышал массивные шаги, удаляющиеся к выходу. Местные гвардейцы всегда шумели при ходьбе, причём так сильно, что создавалось впечатление, будто этим они заранее пытаются нагнетать обстановку и вызывать у нарушителей спокойствия страх. Задёрнув штору обратно, незваная гостья прошлась вперёд и замерла напротив меня, по ту сторону стола. Мне же даже смотреть на неё не хотелось, но пришлось, оттого я сделал ещё один глоток для храбрости, поставил кружку на место и поднял взгляд на гостью.

– Никогда не думал, что увижу свою сестру в борделе, – пробормотал я заплетающимся языком.

В стоявшем освещении зелёные глаза Солерис выглядели слишком тёмными. Возможно, сыграло роль и её платье с длинным чёрным воротом, оттеняющим их. Светлые волосы девушки были собраны в пучок, чуть торчавший на макушке, что вызвало у меня непроизвольный смешок. Учитывая, что мы оба, два года назад, по разным причинам лишились длинных светлых волос, то сейчас у неё они должны быть такой же длины, как и мои, делая нас ещё более похожими.

Вот только в столь причудливые причёски я свои никогда не собирал.

– Ты второй заместитель Ночного Короля, почётного гостя на моей свадьбе, и прибыл сюда обеспечить подготовку к его прибытию, а вместо выполнения своих обязанностей мне постоянно докладывают, что видели тебя здесь, – в голосе сестры звучала ярость, которой прежде мне никогда не доводилось слышать. Само собой, она тут собирается стать королевой, а я порчу репутацию нашей семьи в злачных местах. Ладно, если бы я это делал в стране короля, которому служил, а не её будущего супруга, но там мне даже из стен дворца выходить не приходилось.

– Всё верно, я обследую здешние заведения, вдруг Его Величество захочет их посетить, – я сам чуть не расхохотался в голос, когда говорил это. Человек, которому я служил, король Брундерка, за все мои два года службы ни разу даже не выпил ничего алкогольного, а уж в разврате, тем более, замешан не был. Все вокруг хотели поскорее женить его на ком-нибудь, но тот и слышать об этом не желал. И вот, ему пришло приглашение на свадьбу короля Эдгара и моей сестры, а все приближённые наполнились надеждами на то, что именно на этом празднике парень встретит свою судьбу и последует примеру двоюродного брата. По изначальному плану ехать в соседнюю страну для приготовления к прибытию короля должен был первый заместитель, проклятый Велиант Крист. Но по какой-то причине Его Величество передумал

и послал меня. И вот я здесь. Обсуждать своего короля, да и вообще беседовать с сестрой в текущий момент и в этом помещении казалось не совсем правильным, но она явно не собиралась никуда уходить.

– Зеланис, своим поведением ты позоришь не только его, но и меня. Уже слишком много важных людей слышали о твоих похождениях, а ты мой брат, ты брат невесты короля Эдгара. Как прикажешь мне смотреть в глаза всем этим лордам, когда я буду знать, что в мыслях они посмеиваются над моей семьёй? – удивительно было то, что Солерис не повышала голос. Каждое её слово было сказано на эмоциях, но довольно тихо, чтобы не быть услышанной.

Закатив глаза, я развёл руки и пожал плечами. На самом деле я поражался, как сестре удалось уговорить недавно коронованного Эдгара жениться на ней и почему парня никто не отговорил? Наш род не был богат и влиятелен, лишь очень стар, и его корни уходили глубоко в историю, но славы нам это не приносило. Последние двадцать с лишним лет отец вообще жил в деревне, где мы родились и выросли, и вот я – второй заместитель одного короля, а моя сестра – почти королева другого. А всё благодаря кому? Имя виновницы пронеслось в голове, и я поморщился при воспоминаниях о ней. Перед глазами всего на секунду предстало лицо с разными глазами. Один глаз принцессы был карим, а другой – зелёным, что придавало её внешности неординарности и выделяло среди всех остальных. Длинные, вьющиеся каштановые

волосы почти всегда выглядели спутанными и похожими на гнездо у неё на голове.

– Каким именно лордам, Сол? Пойди загляни за занавеску, которая в другом конце зала и поприветствуй лорда Пате какого-то там, я не запомнил. А на втором этаже, в комнатах для особых гостей, этой ночью развлекался какой-то из ваших герцогов, вот честно, у меня плохая память на названия родов, – недовольно буркнул я и снова посмотрел на сестру, о чём пожалел. Суровый взгляд Солерис буквально прожигал меня насквозь. Ничего удивительного в своих словах я не видел и прекрасно понимал, что молодость сестры в данном вопросе играет против неё. Репутация половины важных людей, о которых она сейчас говорила, была испорчена сильнее, нежели моя.

– Меня не волнуют распутники, подобные тебе, их слово ничего для Эдгара не значит, а вот те, кого он слушает, никогда и никем не были замечены в подобной низости, как посещение таких заведений, – процедила она и сделала последний шаг к столу, опершись о него рукой, – но я здесь не за этим. Час назад мы получили письмо и перехватили ещё одно, которое адресовано твоему королю, – с этими словами сестра извлекла из рукава скрученный лист бумаги и, положив его на стол, подтолкнула ко мне. Отставив кружку, я двумя пальцами поднял свиток и, поднеся к глазам, развернул. Выпитый эль и стоявшая в закутке темнота сыграли свою роль, и мне с огромным трудом удалось различить всего

пару слов, написанных кривым почерком чёрными чернилами, сливающимися в узор, а не буквы. Потратив на попытки прочесть ещё несколько минут, я покачал головой и вернул лист на стол, пожимая плечами.

– И о чём там? Я не могу разобрать ни слова, – хоть это было не совсем так, но голова не была настроена на разгадывание подобных загадок. Теперь настал черёд сестры закатывать глаза, что та и сделала, забирая письмо и спрятав его обратно в рукав.

– В этом послании говорится, что Её Высочество, принцесса Вентира Аполинария Кленская, была арестована именем короля Вильгельмского и будет предана суду и последующей казни за убийство принца Уильяма, – отчеканила сестра, а я невольно вздрогнул, стоило ей вслух произнести имя той самой девушки. С принцессой Вентирой мы столкнулись два года назад, когда в нашу страну вторглась армия матери моего короля. Именно благодаря знакомству с ней, моя сестра – невеста её брата, а я нахожусь на службе у другого.

– И кто такой принц Уильям? – буркнул я, протирая глаза и пытаясь вспомнить, о ком идёт речь. На ум ничего не пришло, а значит, лично с ним я был не знаком.

– Младший сын короля Вильгельмского. Их страна располагается за морем, и даже если это письмо попадёт к твоему королю, он всё равно не успеет туда добраться и вернуться к моей свадьбе, а значит, сорвёт мне всё, – пока сестра говорила это, выговаривая каждое слово с особой серьёзностью,

я так ничего и не понял.

– А я тут при чём? – пожал я плечами, изображая подлинное безразличие. Если в первые дни знакомства я начинал предполагать, что влюблён в принцессу Вентиру, то сейчас я был более чем уверен, что это не так, особенно прислушиваясь к слухам, которые про неё ходят.

– При чём? Если это письмо попадёт в руки к Эдгару, то он отменит нашу свадьбу и бросится спасать свою сестру, как и если она или твой король не явятся ко дню свадьбы. Я не могу этого допустить, я и так ждала два года, проводя очень тщательную работу, что не могу позволить всему сорваться сейчас, – обойдя стол, сестра брезгливо осмотрела диван возле меня, а затем присела на его край. – Я не могу послать за ней гвардейцев – это будет воспринято, как акт агрессии со стороны страны, от имени которой я пока ещё не имею права говорить. Я не могу нанять наёмников, ведь не знаю, кому можно доверять, а кто может продаться первому лорду, и тот всё доложит Эдгару. Я могу попросить только тебя, я могу доверять только тебе. Ты должен отправиться туда и вытащить её, – пока сестра говорила, я мысленно проклинал и её, и собственную безалаберность, проявленную два года назад, при знакомстве с принцессой, и саму девушку. Взяв со стола кружку и опустошив залпом, я покачал головой.

– С кем она там сейчас спит? Вот пусть он и едет, – недовольно буркнул я. Не то, чтобы меня задевали слухи про принцессу, которые достигали даже соседней страны, но не

совсем приятно знать, что она предпочитала кого угодно, нежели меня.

– По последним слухам, с библиотекарем, но ты же им не веришь? – усмехнулась Солерис, наблюдая за тем, как я поставил кружку обратно на стол и оттолкнул её ладонью. Проскользнув по столешнице, она остановилась на самом краю.

– Почему нет? – пожал я плечами и посмотрел на сестру, но выражение лица той оказалось слишком серьёзным.

– Брось, Зеланис, ты лучше меня знаешь, что ей нельзя. Как и то, что она не убивала никакого принца, – устало напомнила Солерис. В памяти всплыли события двухлетней давности, когда я думал, что умру, лёжа на мраморном полу во дворце королевы Брундерка после избиения Богом тьмы. Именно тогда он раскрыл Вентире тайну её происхождения, и обрушил на её плечи ответственность за судьбу мира, ведь оказалось, что она зависит только от неё и передаст ли девушка своё бессмертие потомкам. По словам моего короля, Вентире не следовало даже думать о детях и том, что с ними связано, если она хотела сохранить этот мир от уничтожения Богами.

– Вот кто убил принца, тот пусть и едет, – буркнул я, прогоняя лишние мысли из головы. Воспоминания тех дней положительных эмоций не вызывали, наоборот, а выпитый эль усиливал всё в несколько раз, заставляя хмуриться. Если в начале дня моё настроение оставляло желать лучшего и испортилось от не того цвета глаз шлюхи, то сейчас оно опу-

стилось буквально до нуля.

– Он не успеет доставить её сюда к моей свадьбе, но ты успеешь. Зеланис, ты должен мне, – напомнила сестра, и я снова закатил глаза. В этом она права, девушка дважды, а то и больше, спасала меня два года назад, но я не стал напоминать сестре, из-за чьего побега из дома я оказался на злосчастном перекрёстке, где и познакомился с ненавистной принцессой.

– Вот так всегда, – развёл я руками и попытался встать на ноги одним движением, но пошатнулся и плюхнулся обратно на диван. Выставив руку ладонью в сторону Солерис, я схватился второй за стол и более уверенно поднялся, выпрямился и посмотрел на сестру. – Тебе приспичило стать королевой, а я вынужден рисковать своей головой. Вот не сидится тебе в деревне, – устало проговорил я, понимая, что на ногах стою с огромным трудом.

– Наши предки были избранниками Богов, как и предки обоих нынешних королей. Кленские тоже не за один день стали королевским родом, как и Виндед. Я лишь хочу записать имя нашего рода в книги истории, – сестра поднялась следом и вернулась к занавеске.

– Оно уже в них записано, – отозвался я, на всякий случай заглянув в пустую кружку и убедившись, что ничего не оставил на дне.

– Те книги считаются сборниками легенд, а не исторических событий. Идём, – с этими словами она отдёрнула зана-

веску и сделала приглашающий жест в сторону выхода из заведения, но для этого нам предстояло пройти через весь зал.

– Да, но даже если ты и выйдешь замуж за короля, род Флорандин не будет от этого королевским, – усмехнулся я, а сестра бросила на меня суровый взгляд.

– Не если, Зеланис, а когда. У выхода тебя ждёт отряд гвардейцев и экипаж. Как протрезвеешь – можешь поехать верхом, так быстрее. Офицер подробнее посвятит тебя во все нюансы, – сообщила сестра, пока мы пробирались к выходу. Замешкавшись возле стойки, я пытался взглядом найти хоть кого-нибудь из работников заведения. Заприметив официантку, подозвал её жестом и чуть не свалился на пол – это сестра нагло подтолкнула меня к двери, но так просто уходить я не хотел.

– Дамочка, можно мне две бочки вашего эля с собой. Там экипаж у выхода, – пробормотал я, хлопая себя по карманам в поисках денег. Закатив глаза, Солерис снова подтолкнула меня к двери.

– Иди уже, я заплачу, – заявила она, а я кивнул и уже сделал шаг, как услышал, что девушка со звоном обрушила на стойку несколько монет и проговорила. – Две бочки воды ему, а не эля, – развернувшись, с целью изменить заказ ещё раз, я столкнулся с суровым лицом сестры и замер, подняв указательный палец вверх. Все слова, которые хотел произнести, вылетели из головы, и я просто тяжело вздохнул.

– Не так-то уж я и пьян, – попытался я оправдаться, но без

толку потратил время и слова. Солерис настойчиво вытолкала меня за порог заведения и вручила в руки гвардейцев.

– Проследите, чтобы он протрезвел к прибытию в Эдельстаун, и посвятите во всё более подробно, сомневаюсь, что он будет помнить хотя бы половину нашего разговора, – отдала девушка приказ и проследила за тем, как парочка мужчин в доспехах старалась засунуть меня в экипаж в метре от дверей заведения, при этом пытаясь не применять силу.

– С тебя титул и замок, – буркнул я, указав пальцем на сестру и плюхнувшись на сиденье. Окинув взглядом внутреннее убранство, я отметил про себя всю роскошь, в которой мне предстояло ехать. Мягкие диванчики с шелковой обивкой, местами отделанные золотом. Да, сестра явно позаимствовала транспорт самого короля, не иначе. Интересно, как? Убедила будущего супруга, что отправила за принцессой вместе с отрядом гвардейцев? Вполне логично. Выглянув в ещё открытую дверь на замершую на улице Солерис, я кивнул, показывая девушке, что согласен сделать то, что она просит, пусть у меня и не было выбора. Когда дверца закрылась и я оказался в гордом одиночестве, то позволил себе расслабиться и закрыть глаза. Итак, сперва следовало проспаться и действительно протрезветь, ведь в текущем состоянии от меня не будет никакого толку.

Глава 3. Принц в ракушке

Вестница конца.

Сплюнув, я услышала, как что-то несколько раз ударилось о каменный пол, и открыла глаза. Внизу, в луже крови, лежал зуб. Будучи уже не белым, а ближе к кремовому цвету, он всё равно контрастно выделялся в центре красных пятен. Просто замечательно. Интересно, а когда я умру и воскресну, зуб вернётся на своё место или его я потеряла навсегда? Если второе, то пусть теперь Бог смерти вставляет мне новый. Челюсть знатно болела, но, по сравнению с тем, что ты испытываешь, когда тебе перерезали горло – это, как укус насекомого, не больше. Всё веселье меня ждало впереди. Я это предвидела и решила не надеяться, что на этом мои мучения закончены.

– Я же велел не по лицу, – недовольно буркнул мужской голос, и я подняла взгляд на его обладателя. Внешне мужчина совершенно не был похож на своего младшего брата, красотой не выделялся. Чёрные волосы, вытянутый, гладко выбритый подбородок, худые, впалые щёки, слишком густые брови и даже серые глаза – ничего из этого не красило его, от слова совсем. Облачённый в синий с золотом камзол – цвета рода Вильгельмских, он восседал на троне и буквально терялся в нём.

– Прошу прощения, мой принц, – грозно буркнул здоровенный солдат, полностью одетый в латные доспехи, включая шлем. Он стоял рядом, и сразу после этих слов ударил меня в живот. Стиснув зубы так, что я готова поклясться, весь тронный зал услышал их скрежет, я согнулась пополам, инстинктивно положив ладони на место удара. Ну вот, начинается настоящее веселье, не иначе. Из-за облачения мучителя, удары получались куда сильнее, чем он рассчитывал, либо солдат не беспокоился об их силе, и просто вымещал на мне злость.

– Что за болван, – недовольно покачал головой мужчина на троне. Сам трон, кстати говоря, оказался вырезан из цельного белого мрамора, идеально повторяя форму ракушки. В этом зале, оформленном в мрачных тонах с тёмно-синими шпалерами на окнах и золотой тесьмой по краям – выглядела она совершенно неуместно. Ещё раз бросив взгляд на пол, забрызганный моей кровью, я убедилась, что он серый, каменный, но из общего интерьера не сильно выбивался. Трон же оказался единственным белым пятном во всём помещении и вызывал больше недоумение, нежели восхищение собой. Попытавшись отвлечься от его созерцания и выпрямиться, я поняла, каких трудов мне будет это стоить.

– Вы уж простите его невежество, Ваше Высочество. Рыцари нынче туго соображают. По голове на турнирах часто получали, не иначе, – голос мужчины с трона звучал настолько мерзко, что я не поёжилась от него лишь по причине ди-

кой боли в челюсти и животе. Всё моё внимание оказалось обращено на эти ощущения, но пришлось натянуть на лицо наигранную улыбку и постараться выпрямиться, как подобает принцессе. Хотя, сделать это с закованными в кандалы руками и на коленях оказалось сложнее, нежели я предполагала.

– Ну, что вы, это пустяки, – буркнула я сквозь зубы, а губы собеседника растянулись в настолько отвратительной улыбке, что мне с трудом верилось в кровное родство принца Уильяма с этим человеком. Ну вот никак мужчина на троне не был похож на моего бывшего жениха, даже отдалённого сходства между ними не наблюдалось.

– Действительно, это лишь малая часть того, что вы и ваш любовник заслужили, – мужчина произнёс это на редкость спокойно и уверенно, но я сразу заметила, как сжалась его челюсть. Удивительно, что скрежета не раздалось. Наблюдая за ним, мне становилось интересно, что творится в голове этого принца Вильгельмского. Неужели парень ни на секунду не задумывался о том, что принцесса Апатии, которой я всё ещё являлась в глазах всего мира, делала за границей своей страны, на острове в море, да ещё и одна, без свиты и охраны? Это был бы первый вопрос, который я задала самой себе, окажись на его месте, однако принц упорно делал вид, словно всё в порядке и так и надо. Ещё и явно гордился неожиданной удачей. Путь с острова до дворца короля Вильгельмского прошёл довольно спокойно. Только оказавшись

здесь, в тронном зале, я впервые ощутила себя в плену.

– Боюсь, что не совсем понимаю ваших претензий, милорд, – сказала я и не успела закончить, как мне во второй раз прилетел удар по лицу от мужчины в доспехах. От боли из глаз брызнули слёзы, и мир на несколько секунд почернел, но быстро вернулся. Рот наполнился слюной и кровью, и мне пришлось её сплюнуть прямо на пол. Металлический привкус неприятно ощущался на языке, а, проведя им за зубами и в образовавшихся среди них пустотах, мне пришлось признать, что крови слишком много. Один выбитый зуб не мог стать причиной такой кровопотери, а значит, удар по челюсти повредил мне что-то ещё, и из-за общей боли в области подбородка, определить, что именно, пока не получится.

– Ты разговариваешь с наследным принцем, обращайся к нему со всем уважением, – рявкнул солдат, гремя доспехами из-за каждого своего движения. Мне захотелось покоситься на него и приподнять брови от удивления, но первая же попытка оказалась прервана мёртвой хваткой руки в перчатке, схватившей мой подбородок и вернувшей в исходное положение так, чтобы я смотрела исключительно на принца. В местах, где пальцы давили на челюсть, отдавалась неописуемая боль. Моё лицо невольно перекосилось от неё.

– Вот видите, я же говорил, что он совершенно не соображает, – указав ладонью на своего солдата, усмехнулся принц, оказавшийся Вильгельмом, и отрицательно покачал головой. – Не по лицу, Эрик, прошу, я же ещё не решил, что

с ней делать, вдруг мордашка нам пригодится.

– Виноват, мой принц, – смиренно склонил голову мужчина и отпустил мой подбородок, позволив покоситься в свою сторону. Из-за шлема лица мучителя я почти не видела, хотя очень хотелось. Стоит запомнить его раз и навсегда, а потом станцевать на могиле этого типа, ведь он точно умрёт раньше меня. От слов принца мне стало внезапно смешно. Последние крупицы самообладания с трудом удержали от желания рассмеяться. Мордашка ему моя может пригодиться, да, как же. Судя по всему, услышанному в зале за время пребывания здесь, я поняла, что наследному принцу соседней страны мозгов не хватит на верное использование моей личности в своих целях. И этому человеку предстояло стать королём, какой ужас.

– Так, о чём мы? – снова заговорил Вильгельм, словно ничего не произошло. – Ах да, вы настолько глупы, что не поняли о чём я, – после этой фразы от смеха меня спасала только боль и скопившаяся во рту кровь, которую пришлось снова сплюнуть на пол под недовольным взглядом Эрика. – Вентира Аполинария Кленская, вы обвиняетесь в предательстве и убийстве моего брата. Он любил вас, мечтал жениться на вас и умер, пытаясь спасти вас, – вот тут я не смогла сдержаться и усмехнулась, качнув головой и сурово посмотрев на собеседника.

– Ваш брат хотел жениться на мне, чтобы потом преподнести меня на блюдечке бывшему Богу смерти, а затем спо-

койно править моей страной от моего имени, убив при этом последнего законного сына короля Виктора. А так да, он меня очень любил, – в этот раз кулак в металлической перчатке прилетел снова по животу, заставив согнуться пополам и с силой сжать губы, но с них успел сорваться стон боли.

– Вы так говорите, словно Велиант Крист не планировал сделать то же самое, – процедил сквозь зубы принц, а его взгляд наполнился гневом. Пусть мужчина и смотрел на меня, но его злость явно была направлена на другого человека, который отсутствовал.

– Спросите у него сами, он мне не доложил, – разговаривать о Велианте с этим типом и в моём положении пленницы казалось некорректно, и я постаралась обойти тему, но не вышло. Бог смерти и здесь оказался прав, озвучив мне замысел Вильгельмских, а я ни на шаг не приблизилась к цели своего пребывания в этом плену.

– О, я спрошу, как только он приедет сюда за вами, – буквально вскочив с трона в прыжке, принц стремительными шагами приблизился ко мне. – А вы напишите ему такое письмо, что у него не останется другого выбора…

– Или что? – прервала я принца, оторвав взгляд от созерцания пола, залитого моей кровью, и подняв его на собеседника. Эрик уже занёс руку для очередного удара, но Вильгельм выставил ладонь в его сторону, останавливая солдата одним жестом.

– Или мы вас казним, и ему придётся прийти и отомстить

мне за это, – спокойно пожал плечами принц, даже не догадываясь каких усилий мне стоило выражение страха и ужаса на лице вместо желающего вырваться наружу смеха. Как хорошо, что о моём бессмертии знает ограниченный круг лиц, и такие угрозы – пустой звук.

– А способ казни можно выбрать? Предпочитаю перерезанное горло – это проверенный вариант, ну, или можете меня сжечь на костре, – в наших частых беседах Бог смерти успел немного проинструктировать о том, как работает моя врождённая особенность. Если кости остаются целы, то я воскресну куда быстрее, чем если меня повесят, из-за чего сломается шея, или, худшее – отрубят голову.

– И, ах да, я же всё-таки принцесса, не положено мне вот так всходить на эшафот без символов своего рода на одежде. Может, у вас что найдётся в виде кленового листа? Буду весьма признательна, – пока я говорила, брови принца медленно ползли вверх от подобной наглости. Честно говоря, в такие моменты, когда из меня просто лился поток слов, мне хотелось убить саму себя, ну, или кляп в рот засунуть, но приходилось терпеть собственный словесный понос.

– Смерть – это слишком просто, брат мой, – неожиданно раздался третий мужской голос, от звука которого я вздрогнула, но в поле зрения его владельца не оказалось, а значит, тот стоял где-то за спиной. – Нам с тобой предстоит жить с болью в сердце от потери брата, а ей ты так просто собрался даровать покой? Мы должны обречь её на страда-

ния, аналогичные тем, что терзают наши сердца, ты не находишь? – поток холодных мурашек пробежал вдоль моего позвоночника и скрылся где-то под поясом штанов. Да, Бог смерти предупреждал о возможных неприятных моментах пленения, но внутренний голос подсказывал, что фантазия Вильгельмских может оказаться куда изобретательнее, нежели даже моя собственная. Краем уха я уловила стук каблуков, третий мужчина приближался, стараясь не оповещать об этом, но камень пола, встречаясь с металлическими вставками подошвы, выдавал его.

– У тебя есть идеи, Винсент? – поинтересовался Вильгельм, переведя взгляд куда-то мне за спину, и по тому, как он назвал незнакомца, я опознала его младшего брата – среднего принца. Вздёрнув голову, насколько позволяло моё согнутое положение и снова сплюнув кровь на пол, я, в свою очередь, смотрела на Вильгельма исподлобья и скрежетала зубами. На беседы о фибуле ни один из мужчин выходить не собирался, и это раздражало, ведь моего ума тоже не хватит на верное раскрытие этого вопроса.

– В последние два года принцесса Вентира обрела весьма скандальную репутацию, – и тут я поняла, что задумал Винсент, и мысленно прокляла всех своих слуг, распускающих слухи, пусть отчасти и по моему приказу, – и я предлагаю найти ей работу, соответствующую её профилю, тем более что у нас даже есть те, кому её можно предложить.

На лице наследника трона появилась хитрая улыбка, он

понял, о чём говорит брат и эта идея ему определённо нравилась. Закрыв глаза, я с трудом пыталась удержать себя в руках и не вспылить в ответ на услышанное. Самое весомое, что мне удастся сделать – это ударить ближайшего из принцев кандалами на запястьях, и то, если солдат в доспехах окажется медлительным и не успеет меня перехватить. За такое вряд ли казнят сразу, а предстоящие перспективы шли вразрез со всем смыслом моей новой жизни.

– Велиант не приедет за мной, – неожиданно для себя проговорила я и снова открыла глаза, встретившись взглядом с Вильгельмом. – Что бы я ему ни написала, что бы вы со мной ни сделали, он не приедет, – и я была уверена, что это так, ведь он знает о моём бессмертии и не будет рисковать собой после моего многомесячного молчания.

– Значит, вы одна будете расплачиваться за смерть нашего брата, и поверьте, цена, которую придётся заплатить, довольно высокая, – в его голосе слышались нотки злорадства. Принц мысленно представлял, что мне предстоит пережить и выражение его лица говорило само за себя.

– Эрик, отведи нашу гостью в камеры барака и отдай рабам в качестве моего дара, но с одним условием – она должна оставаться живой, – принц отдал приказ, а солдат кивнул и одним рывком попытался поднять меня на ноги, но у него не вышло.

– И да, по лицу бить можно, оно нам не понадобится, – увидев мою попытку сопротивляться, заявил Вильгельм, а

справа, прямо по щеке, прилетел удар такой силы, что я по инерции отклонилась в другую сторону и рухнула на пол, успев подставить руки.

– Вставай, давай, пошли, – рявкнул солдат, снова дёрнул за цепь, которая крепилась к кандалам на запястьях, и с силой поднял меня на ноги. Пошатнувшись и чуть не рухнув назад из-за кружившейся головы и летающих перед глазами разноцветных кругов, я с трудом нашла равновесие и смогла сделать пару шагов, но не в ту сторону. Развернув меня лицом к выходу, Эрик настойчиво толкнул в спину.

– Напоминаю вам, Ваше Высочество, принц Вильгельм, что я остаюсь принцессой Апатии и двоюродной сестрой короля Брундерка. Стоит им узнать о вашем поступке в отношении меня, и вы пожалеете об этом, – бросила я себе за спину, но все в этом зале знали, что это лишь пустые угрозы. При всём желании братьев отомстить за меня, они не в силах этого сделать. Пусть с нашей междоусобной войны прошло целых два года, государства не оправились от неё, и ещё не готовы вступать в столь суровый бой. Тем более что, в отличие от короля Вильгельмского, военным флотом никто из моих родственников не обладал.

– Вот и увидим, как сильно ваши братья вами дорожат, – усмехнулся мне в спину принц, а я краем глаза успела заметить его младшего брата. Парень был больше похож на Уильяма и стоял у подоконника на другом конце зала, наблюдая за тем, как меня выводят прочь. После удара по щеке я не

смогла заставить себя сконцентрироваться на нём и рассмотреть, да это и не имело значения. Средний принц оказался куда умнее брата и выбрал то единственное истязание, которого мне и правда следовало бояться. Парень словно знал, что я бессмертна, а о возможности других видов пыток Бог смерти предупредил и этим морально меня подготовил.

Мы шли довольно долго, а я не могла осмотреться по сторонам. Стоило оторвать взгляд от пола, как всё застилала тьма, и ноги грозили подкоситься. Особенно если в этот момент мы спускались по ступенькам. Время от времени солдат подгонял меня в спину с такой силой, что приходилось хвататься за ближайшую стену, иначе я могла улететь вперёд и пропахать пол носом. Отношение явно по первому разряду, не иначе. Мимо нас сновали люди. Я видела как мужские сапоги, так и подолы женских платьев, и даже парочку детских башмачков, поспешно скрывающихся в стороне. Весь путь по моим ощущениям, занял довольно много времени. Когда же Эрик резко остановил меня, а где-то рядом загремела связка ключей, мне ничего не оставалось, как собраться с силами и оторвать взгляд от пола.

Мы больше не шли, и голова кружиться не стала, спасибо ей за это. Зато удалось рассмотреть помещение, больше напоминающее подземелье, что меня слегка обескуражило, ведь принц велел отвести меня в бараки. Справа и слева наблюдались плотные металлические решётки. Они простирались вперёд, насколько хватало глаз, до самого конца

длинного коридора, разделённые редкими кусками стены. Всмотревшись между прутьями, я увидела ряды спальных мест, уложенных соломой. Простыней и других элементов постельных принадлежностей на всех не хватало. Спальные места жались друг к другу настолько тесно, что между ними едва помещалась широкая мужская ладонь. Не найдя в себе силы сплюнуть, я сглотнула накопившуюся во рту кровь.

В метре от меня стоял ещё один солдат, облачённый полностью в доспехи, один в один повторяющие те, что носил Эрик. Именно он сейчас и гремел связкой ключей, в поисках нужного, и бормотал под нос ругательства. Мы же рассматривали помещение по ту сторону решётки. К своему ужасу, я заметила, что оттуда на нас с любопытством и страхом вперемешку смотрит не меньше двадцати человек. Они все выглядели не лучшим образом: тощие, загорелые, небритые, с жирными, засаленными волосами всех возможных цветов, но больше было чёрных. Одежда на них – лохмотья и обноски. Только у десятка я заметила подобие обуви, большая часть оказалась босиком, либо в тканевых обмотках. Мужчины сидели в центре, разделившись на несколько групп, и именно в этот момент опустошали глиняные миски, одновременно наблюдая за нами. Некоторые, словно предвидя что-то, отложили еду и насторожились.

Найдя нужный ключ, солдат распахнул дверь в камеру и сделал приглашающий жест, а Эрик поспешно расстегнул кандалы на моих запястьях, и, не дав и шанса воспротивить-

ся, запихнул внутрь. Сделав по инерции пару шагов от решётки, я замерла и осмотрела лица мужчин, а затем мигом ринулась назад, но дверь закрылась прямо перед носом. Вцепившись пальцами в прутья и попытавшись дёрнуть их на себя, я отпрянула из-за прилетевшего по металлу удара кнута в руках второго солдата. Пальцы оказались задеты и отозвались болью, из-за чего я схватилась за них и увидела полоску покрасневшей кожи.

– Ваш принц передаёт вам дар, но чтобы она оставалась жива, – крикнул Эрик, а я обернулась и с ужасом увидела, как изменились выражения лиц мужчин в центре комнаты. На меня никто и никогда не смотрел таким жадным, раздевающим и пожирающим взглядом сразу. Даже у Велианта он никогда не был наполнен подобным всепоглощающим желанием, и от осознания того, что меня сейчас ждёт, честно захотелось самой доставить лорда Криста сюда и отдать Вильгельмским, лишь бы избежать предстоящего ужаса.

– У них бабы лет пять не было, – усмехнулся второй солдат, а я вжалась спиной в стену возле решётки, наблюдая, как мужчины откладывают миски и поднимаются на ноги, скалясь и усмехаясь. Осмотрев помещение, я попыталась ринуться в ближайшую свободную сторону, но один из рабов бросился мне наперерез так, что пришлось вернуться в угол между стеной и решёткой. Мужчины наступали, но и я сдаваться так просто не собиралась, но навыки рукопашного боя за последние два года мне никто не преподавал. Забившись

в угол и буквально дрожа от страха, я уже замахнулась на ближайшего из мужчин, протянувшего ко мне руку, как резко по рабам прошлась чёрная волна, напоминающая брызги воды в ночи. Она отшвырнула всех от меня к противоположной стене. Солдаты по ту сторону двери схватились за мечи, но они им не пригодились.

Рядом с решёткой поднялся столб чёрной пыли, вытянувшийся и сложившийся в фигуру человека в просторном чёрном балахоне. Волна ряби прошлась по фигуре, придавая ей целостность и преобразуя в знакомый образ. Стоило его увидеть, и словно камень с души свалился. С трудом подавив желание броситься на появившееся существо и заключить в объятия, я облегчённо выдохнула и позволила плечам обмякнуть.

– Хоть пальцем тронете, – раздался мелодичный голос Бога смерти, а по лицам рабов я поняла, что продолжать фразу нет необходимости. Теперь настала очередь мужчин в камере, трястись от страха перед Богом и вжиматься в стену, возле которой они все оказались. Миски и тарелки были опрокинуты, остатки еды растеклись по каменному полу, матрасы из сена пострадали не сильно, не успели из-за приземлившихся на них людей. Обернувшись на меня, Бог даже не улыбнулся, его лицо сохраняло привычную серьёзность, но я знала, о чём он думает и что хочет сказать. Не задержав на мне взгляд, он перевёл его на солдат, замерших по ту сторону решётки. Медленно поднеся указательный палец к губам,

он резко рассыпался пылью на пол, откуда и возник.

Вся сцена продлилась не больше десяти секунд, но полностью изменила развитие событий. Мужчины в камере меня больше не интересовали, они продолжали сжиматься от страха и жаться к стенам так, словно Бог предстал перед ними в виде меня. А вот реакция солдат заслуживала внимания. Покосившись на них, я отметила, как дрожала рука Эрика, которая всё ещё сжимала рукоятку меча. Взгляд солдата был устремлён на то место, где всего секунду назад стояла фигура. Второй пришёл в себя раньше и успокаивающе положил ладонь на плечо товарища, возвращая его к реальности. Посмотрев друг на друга, мужчины кивнули и уставились на меня.

Пожав плечами, как не в чём ни бывало, я ещё раз осмотрела камеру и приметила одно из спальных мест в углу напротив. Волна, откинувшая всех, до него не достала, и матрас сохранился в целости, а никто из рабов туда не упал.

– Вы не против, если я займу? – поинтересовалась я, указав на приглянувшееся место и не получив ответ, спокойно направилась в ту сторону, кожей ощущая на себе испуганные мужские взгляды. В выбранном углу солдаты меня не видели. Для этого им пришлось бы приблизиться к решётке и чуть склонить голову, но ни Эрик, ни второй этого не сделали. Я не знала, как долго придётся пробыть здесь, и лучше сделать это с наибольшим комфортом. Тем более, раз я и все вокруг знали, что Бог смерти наблюдает за мной и не даст в

обиду, если это не принесёт пользы нашему делу. А во время массового изнасилования рабами мне точно не удастся что-нибудь узнать о том, где сейчас фибула с моим отцом.

Глава 4. Воспоминания и силы

Вестница конца.

“Резко разорвав лист, я отбросила его в сторону, где были сложены его предшественники в точно таком же состоянии. Из-за порыва ветра от листа бумаги погас последний огарок, и комната погрузилась в кромешную темноту. Единственным источником света выступал отблеск уличного фонаря, который висел на внешней стене поместья, возле незашторенного окна. Красноватое свечение выхватывало часть стола и кресло напротив, но никак не меня, из-за чего пришлось закрыть пузырёк с чернилами и отложить перо. Писать в подобных условиях – издевательство над глазами, а мне с ними ещё вечность жить, и лучше оставаться зрячей. Ситуацию с освещением следовало исправить, если я хотела продолжить. Бросив взгляд в окно, я сообразила, что опять засиделась. На улице стояла глубокая ночь. Вот кто бы мне год назад сказал, на что я буду тратить свободное время – рассмеялась бы в лицо не задумываясь.

До вторжения в нашу страну армии соседнего государства, гибели короля Виктора и его старшего сына, которых я считала отцом и братом, и до раскрытия тайны своего происхождения – книги в моём понимании считались исключительно элементами декора помещений. Единственное, что я

когда-либо читала – это любовные романы, и те выбирала тщательно, ведь от большей их части впадала в жуткое уныние. Всё изменилось за какую-то неделю, которая принесла только боль моей семье и возвела на трон новых королей. Теперь всё свободное время я проводила за изучением исторических хроник и составлением из них одной, той, что будет содержать больше всего правдивых фактов. Главный вопрос – как отличить правду от вымысла и легенд?

Окинув взглядом свалку из сундуков, свёртков и ящиков вокруг, я покачала головой и потёрла пальцами закрывающиеся глаза. Здесь, в самопровозглашённой библиотеке поместья, собрали всё, что удалось найти в разграбленной и сожжённой столице. По приказу новоиспечённого короля, Эдгара Кленского, считавшегося моим младшим братом, уцелевшие книги, свитки, манускрипты доставили сюда, и я искренне надеялась, что мне хватит пары месяцев на разгребание завалов. Не хватило. Хоть я и была бессмертной, но необходимость во сне сохраняла свою важность, ведь что бы ты ни прочитал – всё станет бессмыслицей с затуманенным рассудком.

Искать в темноте новые свечи не имело смысла, и я решила поддаться слабости и хоть немного поспать. Будет более продуктивно вернуться к работе завтра с первыми лучами солнца. Встав из-за стола, я направилась к выходу, стараясь не споткнуться о книжные завалы. Коридоры поместья только выглядели пустыми, а если прислушаться – то с разных их

концов доносились приглушённые разговоры, звуки шагов, покашливания. Полгода назад, когда моё деликатное положение стало слишком бросаться в глаза, младший брат ненавязчиво предложил отправиться сюда, и я без колебаний согласилась. Самое сложное в восстановлении страны было достигнуто, новой столицей назван город Кленск, и у брата появилось слишком много более грамотных советников, нежели я, читавшая только любовные романы. В моей помощи он больше не нуждался, и мы оба прекрасно это понимали.

Это поместье располагалось в самой отдалённой части страны, почти вплотную примыкая к горному хребту с одной своей стороны, и морю – с другой. Оно считалось моим приданым, именно сюда я направлялась в тот день, когда вражеская армия вторглась на наши территории. Здесь должна была пройти моя свадьба, и все последующие дни семейной жизни. Бывший жених успел закончить ремонт и переделал всё под себя, что раздражало последние месяцы, но пока нет возможности затевать новые работы. Вместе со мной сюда прибыло пятеро солдат королевской гвардии и ряд самых верных и доверенных слуг. Да, они сплетничали и шептались у меня за спиной, какие-то из их слухов пару раз достигали и Кленска, но мне было всё равно, ведь главной тайны они не касались. Если же брата и правда будет заботить моя подпорченная репутация – пусть сам об этом скажет, и я найду способ всё исправить. Пока он молчал, молчала и я.

Поприветствовав охрану возле дверей покоев, я попроси-

ла не беспокоить меня до утра и прислать служанку с первыми лучами солнца. Получив в ответ стандартное: “Да, Ваше Высочество”, я спокойно вошла в просторную гостиную, откуда была единственная дверь в спальню. Здесь тоже стоял полумрак, но света луны и уличных фонарей на стенах поместья хватало для освещения мебели. Свечи в люстре под потолком оказались погашены, словно слуги и не ждали моего возвращения. Это показалось странным, ведь одна из служанок должна находиться здесь постоянно. Подойдя ближе к двойным дверям, выкрашенным в синий цвет и больше напоминавшим ворота, я прислушалась, но из спальни не доносилось ни звука. Полоски света в щели над полом не наблюдалось, и вполне разумно, что на ум пришло только одно объяснение – служанка заснула на ответственном посту. Такое случалось пару раз, ведь у меня появилась дурная привычка засиживаться с книгами чуть ли не до утра. Закатив глаза и сразу протерев их тыльной стороной ладони, я толкнула двери и уверенно вошла в комнату.

– Ты можешь идти, – тихо проговорила я, надеясь разбудить девушку своим визитом, но стоило убрать руку от глаз, как голос отказался подчиняться. Спальня, которую я занимала, представляла довольно просторную комнату, с огромной кроватью в самом её центре, шкафом по правую руку от двери и письменным столом по левую. С этой же стороны располагался ряд массивных окон в пол и выход на балкон, и сейчас он был открыт, а тёмно-серые занавески трепыхались

на ветру. Прямо под ними, ближе к изголовью кровати, стояла небольшая детская колыбель из дерева, и тихонько покачивалась на закруглённых ножках. За полгода я привыкла к этой комнате, отлично ориентировалась в ней в темноте, но сейчас плотные чёрные шторы не были задёрнуты, и свет луны хорошо освещал часть комнаты возле колыбели.

Фигура в чёрном балахоне с капюшоном на голове стояла прямо там и едва заметно помогала кроватке покачиваться. Длинные, худые и неестественно белые пальцы слишком аккуратно обвили один из декоративных элементов и покоились на нём, словно присваивая себе. Дыхание перехватило в тот же момент, стоило увидеть эту фигуру. Меня словно ударили кулаком в грудь, выбив весь воздух из лёгких, и я застыла на месте, успев отойти от дверей на пару шагов. Первой мыслью, которая пронеслась в голове при виде незваного гостя, была необходимость позвать охрану и я непроизвольно приоткрыла для этого рот.

– Они будут бежать сюда несколько секунд, а мне потребуется всего одна, – раздавшийся голос показался настолько красивым, что я невольно закрыла глаза, прокручивая услышанную фразу в голове, но не ради её смысла. Желание кого-то звать сразу пропало, и вместо этого, я протянула руку назад и аккуратно закрыла дверь, стараясь не производить лишнего шума. Раз это существо здесь, значит, оно либо проникло через балкон, либо охрана знает о нём и вполне может оказаться не на моей стороне.

Моей дочери, которая сейчас лежала в детской колыбели и мирно спала, было всего три месяца. Именно из-за неё я переехала сюда, и о её существовании знали лишь те, кто жил здесь и мой младший брат – король. Даже отец ребёнка, Велиант Крист, не был оповещён о том положении, в котором я пребывала до её рождения, и о самом появлении девочки на свет. Именно этот секрет было велено хранить слугам ценой собственной жизни, и они исправно выполняли свои обязательства, находя успокоение в распространении слухов и сплетен про всё остальное. С момента рождения дочери передо мной встал один, главный вопрос, и именно ради ответа на него я рылась в книгах, изучая их вопреки всем своим привычкам и интересам. Ведь никто не мог сказать, передалось ли ей моё бессмертие, и не обрекла ли я собственную дочь на ту же судьбу, что уготована мне. Никто, кроме существа в балахоне, грозящего убить ребёнка за секунду, а заодно и проверить – бессмертен тот или нет.

– Кто вы такой? – вернув крупицы самообладания, поинтересовалась я, мысленно начиная догадываться о личности фигуры. Единственной причиной сомнений оставалось место расположения поместья. Хоть оно и недалеко от морской границы страны, но всё-таки находится на той территории, куда Боги не заходят. Здесь, в Апатии, они лишаются своей божественной силы и становятся равными мне.

Оторвавшись от рассматривания ребёнка, фигура заметно выпрямилась, пальцы отпустили декоративный элемент

колыбели, и медленно стянули капюшон. Повернувшись, существо чуть склонило голову, словно с интересом рассматривая меня, но я стояла в тени, и ему вряд ли удавалось что-то увидеть. Охватившее в самом начале потрясение прошло, оставив вместо себя осознание происходящей действительности – мне совершенно нечего бояться, как и моей дочери. Если бы незваный гость и правда хотел её убить, то у него было достаточно времени это сделать, а со мной бесполезно так поступать.

Рассматривая открывшееся лицо, я не могла не отметить чрезмерную бледность кожи, но это оставалось единственным недостатком. Ни единой морщинки, неровности или бугорка, ни единого изъяна на лице существа. Не очень длинные чёрные волосы покрывали голову, но лежали так, словно сзади они собраны в хвост, а на лицо и по бокам падали лишь те пряди, что выбивались из него благодаря более короткой длине.

– Меня не было всего двадцать лет, а люди уже успели забыть моё имя, – с ноткой грусти в голосе, проговорил гость, покачав головой. Только я собиралась напомнить ему, что здесь, на территории, где силы Богов ограничены, большая часть населения и не знала его имени, как из колыбели послышалось кряхтение, сопровождаемое активным шелестом одеяла. Сорвавшись с места, я за пару секунд преодолела разделяющее нас с кроваткой расстояние и наклонилась над ребёнком. Дочь всё ещё мило спала, мы не разбудили её раз-

говорами. Облегчённо вздохнув и поправив одеяло, в которое был укутан младенец, я посмотрела на незваного гостя.

– Здесь они его и не знали, – буркнула я, надеясь, что существо сообразит не повышать голос. Мне ужасно хотелось спать, и повторное укладывание дочери перед этим в планы не входило. Приподняв только одну бровь, собеседник посмотрел прямо на меня, и стало неловко стоять так близко.

– Я пришёл за фибулой, и как ты догадалась, мне это стоило немалых усилий, – спокойно сообщил гость. Усмехнувшись, я покачала головой и недовольно отозвалась:

– Не знала, что пройтись пару сотен метров требует немалых усилий.

– Тот факт, что Бог смерти удостоил тебя чести, и нанёс этот визит на территории, где он вынужден уподобляться смертным, должен сам по себе заявлять о важности этой вещи. Не думаю, что ты будешь по ней скучать, – буквально прошипел собеседник сквозь зубы, а у меня мурашки пробежали по спине.

При всей суровости, которую существо нарочно вложило в голос, звучал он до ужаса красиво. Я знала, что он придёт за ней. Весь год я ждала этого визита, и всё равно оказалась не готова к нему. Когда Бог жизни вручал мне фибулу с разумом отца, он сказал, что за ней придут и попросят, и вот этот день настал.

– У меня её нет, – спокойно проговорила я и невольно сжала бортик колыбели.

– Лайсер сказал мне… – начал было незваный гость, но я поспешила прервать его.

– Я выкинула её в реку год назад, вы опоздали, – стоило это произнести, и как на моей шее сжались холодные пальцы.

Это произошло настолько неожиданно, что я не успела среагировать и отпрыгнуть в сторону. Дыхание перехватило, а гость резко дёрнул руку на себя и буквально сорвал меня с места так, что я чуть не споткнулась и не рухнула на пол, только его хватка на шее не позволила мне упасть. Оказавшись прямо перед ним на расстоянии чуть согнутой руки, я больше не могла смотреть вниз и подняла взгляд, встретившись с холодными зелёными глазами.

– Что ты сделала? – угрожающе прошипел гость, прищурившись и рассматривая меня с ещё большим любопытством, нежели в начале разговора. Теперь я не пряталась в тени у входа, а наоборот, была на прекрасно освещённом участке комнаты.

– Выкинула в реку, – прохрипела я с огромным трудом. Хватка тонких и холодных пальцев на шее не давала говорить нормально, а ещё я почувствовала, как острые ногти впиваются в кожу. Сдвинув ладонь вверх так, что мне пришлось чуть задрать голову, собеседник нахмурился всего на секунду, а в его глазах читалась настоящая ярость.

– Ты хоть понимаешь, что ты натворила? – мне не понравилось то, как он произнёс эту фразу. В ней не прозвучало ни угрозы, ни запугивания, скорее наоборот, проскочили

нотки переживания, которые собеседник искренне пытался скрыть. Все попытки покачать головой провалились, и мне пришлось сглотнуть застрявший в горле ком и прохрипеть отрицательный ответ. Разжав ладонь, гость опустил руку и его губы искривились, изображая недовольство. Отступив на шаг, я провела ладонью по шее, где всё ещё ощущалась хватка холодных пальцев, и нащупала места, где ногти существа чуть сковырнули кожу.

– Просветите меня, а то я было подумала, что избавила мир от очередного психопата с манией величия, – выпалила я злобно и бросила взгляд в колыбель. Ребёнок так крепко спал, что разговор не оказывал на него никакого влияния, хоть и вёлся приглушённо, но слишком близко к нему.

– Этому миру скоро придёт конец, ты и сама это знаешь, – незваный гость тоже посмотрел на колыбель, – и Венториэль, – запнувшись на секунду, гость явно решил напомнить мне, о ком идёт речь, – твой отец будет делать всё, лишь бы освободиться из фибулы, ведь в своём текущем виде он будет уничтожен вместе с ней.

– Разве вы хотите не того же? Вернуть его в ряды Богов. Бог жизни говорил, что вы делали всё ради этого, если я, конечно, верно поняла, кто вы, – назвать того, кто заточил разум моего отца в фибулу и вручил мне, по имени язык не повернулся. Всё же я не одна из Богов, и имею ли на это право? По моей спине снова пробежал холодок. Мне никогда не нравилось, если тема беседы заходила об уничтожении ми-

ра и разрыве клятвы Богов с лидерами совета, ведь все косились на меня и задавали не очень уместные вопросы.

– Какие же вы недалёкие и глупые люди, – покачал собеседник головой, и только я собиралась возмутиться на подобное оскорбление, как он продолжил. – Да, это я, Бог смерти, а ещё я Бог тьмы, хаоса и разрушений, пока ещё, а ты неимоверно глупа. Отдай ты мне фибулу, и я сохранил бы его разум в ней до нужного момента, и нашёл бы способ спасти его жизнь. Будучи заключённым в эту тюрьму и под моим надзором, твой отец не смог бы никому навредить. Сейчас же он прекрасно понимает, что предоставлен сам себе и ограничен во времени, и приложит все силы, что у него есть, ради своего освобождения. Всё, что он натворит, если освободится, будет на твоей совести.

– Он этого не заслужил, не после всего, что он сделал, – выпалила я, и сама не поняла, что повысила голос. Из колыбели послышался плач, вернув меня к действительности. Вздрогнув и чуть не ударив себя ладонью по лицу, я поспешила взять ребёнка на руки и попытаться быстро усыпить. Собеседник какое-то время молча наблюдал за мной.

– А что он сделал? Убил несколько тысяч человек? Ерунда какая. Самое страшное ждёт впереди, ведь даже я не знаю, что он сделает, пытаясь самостоятельно освободиться из фибулы, и на что пойдёт, не зная, что ребёнок для разрыва клятвы и пересоздания мира уже рождён, – чуть склонившись ко мне, прошептал гость. Одна его фраза заставила меня за-

мереть, забыв о необходимости покачивать дочку, а взгляд устремился прямо на Бога смерти. Наблюдая за застывшим на его лице выражением, я пыталась увидеть в нём хоть какую-то подсказку и намёк на то, что собеседник врёт.

– Он не рождён, – заикающимся голосом ответила я, но тут дочь расплакалась, словно опровергая мои слова, и пришлось продолжить её укачивание. Взгляд собеседника перевёлся с меня на неё, и уголок губ существа приподнялся в злобной усмешке.

– А кто она? – усмехнулся гость, я же почувствовала, как кровь отхлынула от щёк и они быстро охладели, словно это Бог смерти положил на них свои ладони. Вопрос о том, унаследовала ли моя дочь дар бессмертия, не был закрыт, я этого не знала. Если это так, то нам с ней суждено пережить всех остальных людей, которых мы когда-либо будем знать, и ни в коем случае не связывать свою жизнь с представителями трёх древних родов.

– Она моя дочь, но она не подходит под ваши требования. В ней не течёт кровь как минимум двух древних родов, чтобы удержать сразу и бессмертие, и божественный дар. Никто из Богов не должен знать о её рождении, а значит, её не могли ничем наделить, и мы не знаем, бессмертна ли она, – мне казалось, что я никогда не замолчу. Слова лились из меня сами по себе, одно за другим. Слыша мой голос, дочка начинала успокаиваться и больше не плакала, но была ещё далека от погружения в сон, а значит, останавливаться и возвра-

щать её в кровать ещё рано. Отрицательно кивнув, гость выпрямился и склонил голову набок, рассматривая ребёнка на моих руках. Наблюдая за ним, мне хотелось, чтобы он ушёл и никогда больше не приходил, ведь потому я и оставалась в этой стране, подальше от таких, как он.

– Бессмертие легко проверить, у детей в её возрасте шея ломается легко и быстро, она даже ничего не почувствует, а если воскреснет – миру скоро придёт конец, – протянув руку ладонью вверх, он изобразил движение, словно щёлкает пальцами, а я сильнее прижала дочь к груди.

– А если не воскреснет, то я потеряю её, – с ужасом заявила я, уставившись в зелёные глаза Бога смерти.

– Подумаешь, один ребёнок, зато всё встанет на свои места и не будешь мучиться неизвестностью, – пожал он плечами. Мне же хотелось расцарапать ему лицо за такие слова, но дочь на руках мешала это сделать.

– Я не стану убивать собственную дочь ради проверки её бессмертия, – прошипела я в ответ, – и она всё равно не та, кто нужна Богам.

– А вот оттого, бессмертна она или нет, и зелёные ли у неё будут глаза, это и зависит, моя дорогая, – по выражению лица собеседника, его тону и сказанным словам у меня складывалось впечатление, словно мысленно он снова обзывает меня тупой и недалёкой, но вслух сказать не решается. – Взоры всех Богов, жаждущих разорвать клятву, вернуть власть в этой стране и уничтожить так надоевший им мир, обраще-

ны на это поместье. Хоть наши силы здесь и ограничены, но это не значит, что некоторые из нас не могут наблюдать за вами. Все мы знаем о её рождении, а Лайсер узнал о ней ещё год назад, когда освободил меня. Её наделят божественным даром, можешь быть в этом уверена, если уже не наделили. Единственное, чего о ней никто не знает – это наличие бессмертия, – с каждым его словом мне становилось плохо, и я чувствовала, как колени предательски подгибаются, а руки опускаются под тяжестью дочери. Ведь если он прав, и она и правда сможет совместить в себе все требования для ребёнка, способного разорвать клятву, то я приблизила конец человечества так близко, как сама не ожидала. Аккуратно перехватив у меня ребёнка, собеседник продолжил укачивать её, рассматривая крохотное розовое личико. Я же не сразу сообразила, что случилось и какое-то время просто стояла в стороне, уставившись прямо перед собой. Мне и в голову не могло прийти, что Бог жизни ещё тогда, в нашу последнюю с ним встречу знал о моей дочери, вернее, что она появится у меня.

– Но он говорил… – попыталась я опровергнуть теорию смерти и убедить саму себя, что он не прав, но собеседник лишь покачал головой.

– Кровь древних родов течёт в тебе, двух сразу. Кто бы ни был отцом, твоей крови в её венах хватит, хотя бы для разрыва клятвы и возвращения власти Богов. Сможет ли она жить с даром бессмертия и божественной силой, и не сойдёт

ли с ума от боли, которая будет раздирать её тело изнутри – это уже другой вопрос и Богов он не волнует. В идеале – да, будь её отцом любой представитель рода Виндед, Кленских или Фроландин, то она вполне могла бы стать одной из нас, – пока он говорил, моя дочь уснула, и гость аккуратно уложил её в колыбель. Я же ухватилась за декоративный столбик кровати, сыгравший роль опоры. Внутренний голос подсказывал, что Бог прав, но я не знала, чему мне верить. Целый год я считала иначе.

– Как я могу всё это остановить? – поинтересовалась я, уставившись на него молящим взглядом, но собеседник окинул меня холодом своих зелёных глаз.

– Никак, но, на твоё счастье, пока Венториэль не будет в безопасности, я не позволю им уничтожить этот мир, а из-за тебя у меня появилось слишком много дел, – голос собеседника звучал холодно, и от того, как он говорил, по спине пробежали мурашки, заставляя волоски на коже вставать дыбом. Пропустив его слова мимо ушей, я просто стояла и смотрела на ребёнка в колыбели, будучи не в силах что-то сделать.

Гость больше ничего не сказал. Он спокойным шагом, словно живёт здесь, прошёл мимо и скрылся за дверью, оставив меня с неприятным осадком после беседы. Хоть я и ожидала визита Бога смерти, но никак не думала, что он вот так заявится ко мне в дом, в мою спальню и приблизится к самому дорогому. Кто бы мог подумать, что фибула с разумом

моего отца окажется настолько важна ему.

Стоя и смотря на дочь, я прокручивала слова собеседника в голове, и понимала, что в глубине души верю именно ему. Здесь и сейчас со мной разговаривал тот, кто приложил много усилий ради сохранения жизни моего отца, а значит, не угрожай миру опасность уничтожения, он не бросился бы за его разумом сюда и не ушёл бы так стремительно, узнав, что я сделала. Мог ли дар бессмертия не передаться моей дочери? Венториэль был полностью уверен, что он передался от него мне, но как быть с ней? Одно я знала точно – убить дочь своими руками, даже на благо мира, я точно не смогу. Подняв ребёнка из кровати, я сорвалась с места и бросилась прочь из комнаты.

В гостиной стояла кромешная темнота, и я случайно ударилась бедром о подлокотник дивана. Поморщившись от дикой боли, стиснула зубы, стараясь не издавать звуков. Выскочив в коридор и напугав охрану, я осмотрелась и бросилась к выходу из поместья. Далеко уйти гость не мог, а божественных сил здесь он лишён, значит, я могу его догнать.

– Ваше Высочество, что случилось? – раздался мне вслед голос одного из гвардейцев, но я лишь махнула ему рукой, призывая к молчанию. Спустившись по лестнице, я увидела, как входные двери закрылись прямо у меня на глазах.

– Хенорп, – крикнула я и пожалела об этом, ведь могла разбудить всю прислугу. Дверь так и не открылась, либо Бог не услышал меня, либо сделал вид, что не услышал. Прижи-

мая проснувшегося ребёнка к груди, я неуклюже качала её, пока сама старалась не свалиться кубарем вниз по лестнице. С ходу навалившись на входные двери и распахнув их, я оказалась на улице, а прохладный ночной воздух приятно ударил в лицо. – Хенорп, – ещё раз позвала я, а фигура в чёрном замерла на полушаге и очень медленно повернула голову.

Бог смерти надел капюшон обратно, и сейчас он выглядел одним большим пятном на фоне побережья и моря. Переведя дыхание, я сбавила скорость и уже спокойнее подошла к нему, краем глаза заметив солдат и служанку, которые наблюдали за мной от поместья.

– У меня нет на это времени, – спокойно заявил он, собираясь продолжить путь, но мне нечего было бояться, и я это знала. Резко ухватившись за часть балахона Бога, пытаясь взять его за локоть, я поняла, что промахнулась и пальцы сжали кусок ткани.

– Помогите мне. Вы можете, я знаю. У вас будет преимущество перед остальными и больше времени на поиски моего отца, – я не могла озвучить просьбу вслух. Не просто боялась быть услышанной другими Богами, но и язык не поворачивался произнести эти слова.

– Я могу только её убить, раз ты не можешь, – пожал плечами Бог, а я нервно сглотнула ком в горле. Сделав ещё шаг, я оказалась почти вплотную к собеседнику, но из-за его роста до уха с трудом доставала.

– А ещё сделать так, что все остальные Боги будут считать

её мёртвой, вы можете скрыть её от них, я знаю, так делали со мной после рождения. Если только вы будете знать о её существовании, то только вы будете решать, когда уничтожать этот мир, если она и правда та, кто разорвёт клятву, – понизив голос, прошептала я так тихо, как только могла. Край капюшона Бога смерти трепыхался на ветру и задевал мою щёку, неприятно щекотал её. Сердце бешено выпрыгивало из груди от волнения за дочь и осознания, какая судьба ждёт её, если Боги будут знать о ней.

– Здесь я ничего не могу сделать, мне нужно пересечь границу вместе с ней. Ты вот так отпустишь нас?

– Если вы обещаете, что о ней никто не узнает и она будет жить, – эти слова дались мне с огромным трудом. Во рту пересохло, язык заплетался и дёргался, как и горло. Протянув ребёнка собеседнику, я проследила за тем, как аккуратно он взял его на руки. Интересно, сколько Богов за эти три месяца знало о её существовании и мечтало вот так забрать у меня? Откинув эту мысль, я решила довериться тому, для кого мой отец многое значил, судя по словам и совершаемым им поступкам. Тому, кто осмелился переступить границу страны, где он лишался божественных сил и становился слабее обычных солдат с мечами, и единственным его преимуществом перед всеми выступало только бессмертие, такое же, как и моё. И всё это ради спасения разума моего отца от уничтожения вместе с миром.

– Ты понимаешь, что тебе придётся оставить её? Забыть

о ней, и постараться никогда не думать, что она жива? Боги всегда будут наблюдать за тобой, но не за ней, если тебя рядом не будет, – спокойно проговорил он, а я судорожно закивала, прекрасно зная, что он прав. Сердце обливалось кровью, но это лучшее, что я могла для неё сделать. Только так я могла её спасти и обеспечить спокойную жизнь."

Оторвав голову от подобия матраса, я схватилась за волосы и судорожно обвела камеру взглядом. Вокруг ничего не изменилось за то время, пока я спала. Рабы с опаской поглядывали в мою сторону, но по большей части уже не обращали внимания. Во сне я окунулась в события годичной давности. Воспоминания о них всплыли в памяти именно сейчас, и я даже знала почему. Поведение Хенорпа в нашу первую встречу отличалось от того, как существо вело себя позже, и я старалась никогда не вспоминать тот день, когда он не проявлял ко мне своеобразной заботы. Как бы я хотела сейчас вернуться в то время и многое изменить. Ведь тогда я не оказалась бы здесь. Расставшись с дочерью год назад, я научилась не вспоминать о ней, ведь эти воспоминания причиняли боль и делали меня слабей, чем я есть. А в эти минуты мне нельзя быть слабой.

Когда замок решётки заскрежетал, а дверь камеры открылась, я поняла, что проснулась очень вовремя.

***

Каждая клеточка тела вопила от нескончаемой агонии.

Казалось, что на коже не осталось живого места, вся она пылала и ныла, что я давно перестала ощущать, как кровь струйками стекала к ногам, оставляя за собой след и срываясь на каменный пол. Большие пальцы ног не доставали до образовавшейся лужицы несколько сантиметров. Последние часы я не видела ничего, кроме срывающихся капель, что ударялись о поверхность и образовывали круги, словно это вовсе не лужа крови и очередная капля, а поверхность пруда и брошенный в него камень. Рук, запястий и плеч я не чувствовала вообще, настолько сильно они онемели, приняв на себя вес тела. Кандалы первое время жутко впивались в кожу, натирая и разрывая её, сейчас же, если поднять голову и посмотреть под потолок, где и располагались мои запястья, то вместо них просматривалось сплошное кровавое месиво. Вот только поднять голову сил не хватало.

Как долго я вот так подвешена за руки под потолком в четырёх стенах с узкой дверью без решётки на ней? По ощущениям прошла целая вечность, но на самом деле не больше пары часов. Через какое-то время после моей ссылки в камеру к рабам принц Вильгельм послал оруженосца проверить, как обстоят дела. Солдаты не успели перехватить парня и проинструктировать с ответом, дабы не забивать голову будущего короля такой ерундой, как я. Узнав, что пленница спокойно спит в углу, а все рабы перетащили матрасы на другую половину комнаты и боятся к ней приближаться, Вильгельм впал в ярость.

Именно по его приказу Эрик выволок меня из камеры, заковал в кандалы и отвёл сюда, где подвесил к потолку за цепь, соединяющую мне руки. Очередной свист хлыста заставил невольно вздрогнуть, а когда он опустился на спину, задев ещё и часть плеча, мне не хватило сил даже вскрикнуть от пронзающей боли. Эти удары я пока ещё чувствовала, хотя и не представляла, во что превратилась моя спина. Тело моментально содрогнулось и слегка качнулось, из-за чего несколько капель крови сорвались на пол вдали от общей лужи, и сейчас выглядели одинокими на сером камне. Слёз больше не было, и новые так и не сорвались с глаз, как было после первых ударов. Сейчас я не плакала не потому, что не хотела, а потому что не могла.

Стук металлических вставок в подошве сапог принца эхом отдался в ушах, но я к нему привыкла. Обойдя лужу стороной, парень демонстративно вытер хлыст лохмотьями, в которые превратилась моя рубашка. Убедившись в чистоте инструмента, он очень медленно начал сворачивать его, словно показывая, что на сегодня мои мучения закончились и ожидал за это благодарности. Ростом средний Вильгельмский был чуть выше меня, и сейчас, из-за подвешенного к потолку состояния, мои глаза оказались прямо напротив его лба. Создавалось впечатление, что Эрик повесил меня именно на таком уровне специально. Даже не шевеля головой, я могла видеть злобную улыбку на лице принца, а он – ужас, страх и боль на моём.

– Я надеюсь, ты усвоила урок. В этом мире есть кое-что куда похуже смерти, – голос принца звучал слишком звонко, и я уловила нотки радости. Винсент получал истинное удовольствие от причинённой мне боли и тех страданий, что мне довелось из-за него перенести. Хотя стоит ещё подумать, из-за кого на самом деле мне пришлось пройти через это. В одном принц оказался совершенно прав – я настолько гордилась своим бессмертием, что перестала испытывать страх за себя, ведь не представляла, как далеко может зайти фантазия Вильгельмского в отношении меня, и чем всё в итоге обернётся. Видимо, Хенорп заранее догадывался о склонности среднего принца к подобным истязаниям людей, но прямо как обычно, ничего не сказал.

– Что молчишь? – схватив меня за волосы на затылке, парень резко дёрнул их так, что моё лицо оказалось повёрнуто в его сторону. Уставившись в мои чуть приоткрытые глаза, принц ожидал ответа, но сил говорить не осталось. Сейчас я могла просто висеть и с трудом оставаться в сознании. Глаза так и норовили закрыться и погрузить меня в небытие. Наверное, стоило так и поступить, тогда истязатель, лишившись возможности упиваться моими страданиями, оставил бы своё развлечение на потом и закончил бы куда раньше.

Я честно попыталась ответить. Даже чуть приоткрыла рот, но очередная волна боли прокатилась от сломанной челюсти, и лицо непроизвольно поморщилось. Из горла вырвались лишь нечленораздельные звуки, в которых не слыша-

лись слова. Отрицательно кивнув, Винсент отпустил мою голову, и она безвольно повисла лицом вниз.

– Эрик, сними её, пусть отдохнёт пару часов. Позови, как слегка очухается, – крикнул куда-то мне за спину принц и пошёл прочь. Звук ударов сапог о пол удалялся, а мои виски пульсировали в такт его шагам. Не прошло и нескольких минут, показавшихся часом, как солдат в доспехах зашевелился. Всё это время я не замечала, что он стоит сбоку и притворяется декорацией. Подойдя ко мне с характерным звуком гремящей посуды на кухне, мужчина снял цепь, которая соединяла кандалы, с крюка в потолке, а мои ступни резко коснулись пола. Ноги не выдержали обрушившегося на них веса тела, и колени подкосились. Церемониться со мной солдат не стал, наоборот, словно исполняя наказ Хенорпа, старался и пальцем не тронуть. Иначе я не знаю, как объяснить, что он и не подумал поймать меня и предотвратить падение, зато очень осторожно освободил запястья от кандалов.

Оказавшись на полу, частично в луже крови, я щекой ощутила прохладу камней, и сама от себя не ожидала такого облегчения, прокатившегося по телу. Не обращая внимания ни на холод, ни на боль, ни на дискомфорт из-за неудобной позы, я пыталась вытянуть ноги и откатиться в сторону, но ничего не получилось. Каждое движение давалось с огромным трудом, а руки всё усложняли тем, что сильно дрожали. Плюнув на неудобства, я позволила глазам закрыться. Удаляющиеся шаги солдата услышала только, когда за ним со

скрипом захлопнулась дверь и воцарилась гробовая тишина, прерываемая далёкими шорохами.

Где бы я ни находилась, но здесь я была одна, да и если это не так, в моём состоянии ничего не имело значения. Вдохнув полной грудью и наслаждаясь прохладой под щекой, мне не верилось, что я ещё жива. Удивительно то, что прежде я на самом деле считала, что для человека самое худшее, что может с ним случиться – это смерть. У меня проскальзывали мысли, что в моём случае ей будет равносильно изнасилование и вторая беременность, но ни о чём другом я и помыслить не могла. Винсент Вильгельмский словно специально истязал меня так, что живого места не оставил, преподав мне урок и показав, что смерти бояться не стоит. А вот боли, настоящей, пробирающей до костей, от которой хочется орать во всё горло, и молить, умолять, просить, лишь бы она прекратилась – вот этого и правда стоило бояться. Жаль, я поняла это только сейчас, когда испытала всё на собственном теле и мечтала только о том, чтобы поскорее умереть и избавиться от всех следов издевательств принца. С такими мыслями я и провалилась в темноту небытия, позволив себе потерять сознание от бессилия.

Оторвав голову от чего-то мягкого и шерстяного, я не сразу поняла, где нахожусь, но чьи-то уверенные руки аккуратно поглаживали мои волосы и сразу мягко надавили на затылок, возвращая в прежнее положение. Упав уже щекой на свёрток, сыгравший роль подушки, я не особо обратила на

него внимания, но вот пальцы, перебирающие пряди жирных и явно противных на ощупь волос с особенной нежностью, вызывали больший интерес. Найдя в себе силы и пошевелив руками, я поняла, что лежу спиной вверх на холодном каменном полу возле стены в той же камере, где была подвешена к потолку. Кто-то заботливо подстелил под меня тёмно-синий плащ, а под головой расположен чёрный элемент одежды, свёрнутый в несколько раз для мягкости. Сил на то, чтобы встать или даже сесть, не оказалось, и самое великое, что я смогла сделать – это сдвинуть руки, уложив их более удобно вдоль тела.

Самое удивительное – я не чувствовала боли. Скорее всего, тело онемело до такой степени, что нанесённые ему увечья не причиняли дискомфорта, хотя я отчётливо видела тёмно-красную борозду на месте запястья, являющуюся чётким следом от кандалов, а значит, все последствия истязаний ещё на мне. Хотелось пить, губы пересохли и покрылись грубой коркой, они так и норовили треснуть, но я старалась не шевелить ртом, прекрасно помня о сломанной челюсти. К моему удивлению, голова не болела, за что ей огромное спасибо, либо же я настолько привыкла к этому чувству, что окончательно перестала его ощущать.

– Дорогая моя, если для тебя это слишком – просто скажи, и я немедленно организую твой побег, – неожиданно раздался мой любимый голос, позволивший расслабиться и снова закрыть глаза. Смотреть в текущем положении особо не на

что, а существо, произнёсшее фразу, сидело рядом таким образом, что моя голова заканчивалась прямо возле его бедра. Когда я поняла, кому принадлежат пальцы, копающиеся в волосах, то стало слегка неловко за их состояние, но и слишком приятно. Слишком. Следовало отогнать все нахлынувшие на меня симптомы влюблённости и вернуться из небытия к реальности.

– Мне интересно, в мире что, умирает так мало людей, что у Бога смерти всегда есть время навестить меня? – слова дались мне с огромным трудом. В горле жутко пересохло, а скопившаяся там за всё это время кровь превратилась в густое месиво, которым я чуть не подавилась. Челюсть же двигалась исправно хоть и с неким дискомфортом, но слова раздались не так, как прежде, я словно начала картавить. Аккуратно повернув голову, я постаралась избавиться от содержимого рта так, лишь бы эта субстанция не оказалась под моей же щекой.

– Богу моего уровня не пристало заниматься столь мелочными вопросами, как смерть людей. Всеми душами занимаются мои вестники, а я делаю то, что хочу, – спокойно отозвался Бог смерти. Под его пристальным взглядом я всегда чувствовала себя неловко, словно маленькая девочка, которая напакостила и оправдывается перед отцом, и хорошо, что сейчас я не видела выражения на его лице.

– А если тебя здесь кто увидит? Я же спасаю твою репутацию, – недовольно прошептала я, закрыв глаза и наслажда-

ясь тем, как прохладный ветер, врывающийся в камеру через щель под дверью, обдувает кожу на моей спине, доставляя настоящее облегчение и расслабляя её.

– От моего пребывания здесь и болтовни с тобой моя репутация не пострадает. А вот если я заявлюсь в тронный зал и потребую отдать фибулу, которой у Вильгельмских может и не быть, если она попала в руки какого-нибудь солдата или прислуги, то в их глупых головах вполне могут зародиться сомнения в моём могуществе, – возразить на это мне оказалось нечего, и я просто делала вид, словно продолжаю спать. – Что-то ты не очень стараешься ради нашего общего дела, дорогая моя, – неожиданно высказался Бог смерти, а по моей спине пробежала волна мурашек, вызванная неожиданным волнением о том, что Бог решит, словно я подвела его.

– Я принцесса, а не актриса, – напомнила я, попытавшись приподняться, но стоило чуть пошевелиться, и поясница отдалась резкой колющей болью, ставшей настолько неожиданной, что пришлось стиснуть зубы и вернуться в прежнее положение.

– Ты бессмертна, но ты не Богиня, а время идёт, – снова шёпотом напомнил он, – но если всё это для тебя слишком, только дай знать, – складывалось впечатление, что на самом деле всё это было не ради получения информации о фибуле, а для проверки, что я готова вынести ради желания угодить ему. Второй намёк на мою слабость за столь короткий разго-

вор мне не понравился.

– Ты предупреждал меня, твоей вины здесь нет, – но на самом деле всё обстояло совершенно не так, и внутренний голос где-то в самых недрах разума вопил и умолял попросить спасти меня отсюда. Пережитый кошмар вызывал жуткое желание плюнуть на всё и убраться подальше от Вильгельмских раз и навсегда. Пришлось загнать это вглубь себя и постараться не обращать внимания на вопль подсознания. Какое я произведу впечатление на Бога смерти, если сейчас заявлю ему о своих желаниях сбежать? Ведь если я так поступлю – значит, подведу его, и о какой безоговорочной преданности может идти речь? Хенорп был единственным Богом, который знал о том, что моя дочь всё ещё жива, и я не могла поступить так, чтобы он усомнился во мне и моей верности. Вот я и проходила через ад, лишь бы ему не пришлось позориться и показывать Вильгельмским или их подданным, что Бог смерти не всеведущ и понятия не имеет у кого сейчас фибула в виде символа моего рода, столь нужная ему.

В процессе моего истязания, когда я ещё могла говорить и не успела выбиться из сил, я пыталась задавать вопросы Винсенту, надеялась вывести принца на диалог о фибуле или чём-то таком, но это не привело ровным счётом ни к чему. Однажды лицо парня исказила гримаса сильной неприязни, но я не была уверена, что она была связана с упомянутым украшением, а не лично со мной. Всё остальное время Винсент получал истинное удовольствие от каждого нанесённо-

го мне удара, будь то плеть или его собственные руки. Казалось, его лицо с хищной, злорадной улыбкой будет стоять у меня перед глазами вечность, но вот мне удалось немного отдохнуть, и я успела забыть, как оно выглядело. После всего, что я пережила, обрадовать Хенорпа оказалось нечем, ведь сведений о тюрьме моего отца так и нет.

– Нет, есть, моя дорогая, – спокойно отозвался собеседник, сжав одну из прядей моих волос и пропустив её сквозь пальцы. Это действие было таким воздушным, что я почти ничего не ощущала, лишь дуновение воздуха, потревоженного шевелением в той области головы. – Я должен тебе признаться, что намеренно подверг тебя этим испытаниям.

Хмыкнув, я не собиралась ничего отвечать, ведь и так прекрасно знала, что Бог смерти догадывался, на что посылает меня. Вопрос, скорее, состоит в том, действительно ли то, через что мне пришлось пройти, стоит результатов, которых удастся добиться и удастся ли. Лично мне не хотелось бы услышать, что всё оказалось напрасным.

– Поверь мне, так действительно было нужно, – тихо добавил Хенорп. Я же постаралась вдохнуть полной грудью, но далось мне это неожиданно тяжело, и я поспешно выдохнула, возвращая спокойное и ровное дыхание.

– Да, да, я знаю, твоя репутация… – начала было я, но запнулась, не в силах продолжить из-за сухости во рту. Облизав губы и постаравшись хоть как-то облегчить себе задачу, я невольно наткнулась кончиком языка на пустое место

среди зубов. Вот о чём следовало бы спросить Хенорпа, а не обсуждать то, что мы уже не один раз проговорили от и до.

– Моя репутация и полученные сведения не стоят того вреда, который может быть нанесён тебе, моя дорогая, всем этим безумием, но я искренне надеюсь, что всё случившееся послужит больше благой цели, – в голосе собеседника промелькнули нотки неподдельного волнения, а пальцы Бога остановились внизу затылка, почти на самом краю волос и аккуратно, едва заметно коснулись кожи на шее. Это прикосновение вызвало сразу и боль, и волну приятных мурашек, пробежавших вдоль позвоночника к ногам. Вспомнив, как кнут Винсента время от времени задевал и шею, я поняла, чем вызвано первое чувство, но не подала вида, что ещё способна его испытывать.

– Полученные сведения? – неуверенно пробормотала я, пропустив остальные слова мимо ушей, ведь совершенно справедливо считала их лишь попыткой Бога смерти заглушить терзавшее его чувство вины передо мной. Если он вообще способен испытывать подобные чувства. Тут дверь в камеру со скрежетом открылась, заставив меня невольно вздрогнуть. Хенорп же поспешно убрал руку назад на волосы и успокаивающе их погладил приговаривая:

– Тише, тише, дорогая, это просто Эрик, он теперь твой лучший друг, – сообщил мне Бог смерти, вызвав огромное недоумение этой фразой. Судя по тому, как гремели доспехи на вошедшем человеке – это и правда оказался солдат. На-

клонившись возле меня, он молча поставил на пол миску и поспешно удалился, закрыв за собой дверь. Раз на его появление Хенорп не отреагировал неожиданным исчезновением, значит, он и правда каким-то образом склонил Эрика на свою сторону. Хотя он же Бог, а мужчина родился и вырос в стране, где Богов принято почитать и бояться. Ничего удивительного, что этот человек предпочёл сменить того, кому поклялся служить на более достойного.

– Выпей это, тебе станет лучше и боль быстрее пройдёт, – аккуратно помогая мне чуть приподнять голову и наклоняя к моим губам миску, Бог смерти проследил за тем, как я неуклюже выпила всю жидкость до последней капли. К сожалению, это оказалась непростая вода, она пахла незнакомыми травами и отдавала странным вкусом, а меня сразу начало клонить в сон. – Жаль, я не могу убить тебя сейчас, лишь бы избавить от всех этих неприятных следов мучений, – тихо проговорил Хенорп, отставляя миску в сторону и помогая мне вернуться в прежнее положение. Устроившись поудобнее, нежели было, я сама не поняла, как протянула руку и сжала колено Бога, покоившееся на полу рядом с моей головой.

– Что ты узнал? – заплетающимся языком проговорила я, стараясь сохранять здравый рассудок, но глаза так и норовили закрыться. Напиток оказался слишком быстродействующим, либо повлияло то, что я вот уже сутки, если не больше, ничего не ела и была слаба. Мысли тоже начали путаться, но

мне очень хотелось получить ответ. Неужели, всё оказалось не напрасно, и мои беседы с принцами натолкнули Хенорпа на цель?

– Пока это просто догадка, родная, но я её проверю, и если она подтвердится, ты обо всём узнаешь самой первой, – в его голосе слышалась теплота, столь приятная моему слуху, что улыбка появилась на губах, слегка смоченных остатками напитка. Боли не было, уж не знаю по какой причине. – Тебе стоит отдохнуть. Никто не знает, когда теперь Винсент решит заявиться сюда и что придумает на следующий раз, и свой балахон мне придётся забрать.

Вот последнее меня обескуражило больше всего, особенно когда Хенорп аккуратно вытащил из-под моей головы чёрный свёрток, сыгравший роль подушки, и попытался встать.

– Я люблю тебя, – заплетающимся языком пробормотала я, не понимая, что именно сказала. Не знаю, что заставило меня это сделать. Возможно, повлияла присущая Богу забота, либо этот напиток буквально опьянил разум, лишив всякого самоконтроля, но факт того, что эти слова прозвучали вслух, отменить было нельзя. Хотелось видеть выражение лица Хенорпа, но я его не видела. Борясь с закрывающимися веками, я смотрела только на каменный пол камеры и стену напротив, краем глаза улавливая лишь часть чёрного сапога существа, как раз согнувшего ногу в колене поднимаясь. На несколько секунд он замер, но буквально сразу встал с пола,

лишив меня даже столь незначительного вида своей обуви. Рука, которая лежала на его колене, соскользнула и вернулась на холодные камни.

– Сейчас это опасные слова, моя дорогая. Те, кому ты их говоришь – умирают слишком быстро, и я не желаю оказаться в их числе. Хоть я и Бог, но и на меня есть своя управа, – и он исчез, как обычно, растворился в воздухе, превратившись в пыль, осыпавшуюся на пол, а я ничего не поняла. Мой рассудок затуманился напитком и очень быстро оставил меня, погрузив в крепкий сон.

Глава 5. Путь к неизвестности

Заблудший.

Половину пути я честно проспал, а просыпаясь, промучился от дикой головной боли. Не то чтобы много выпил в то утро, но вот сколько было выпито вечером и в ночь – один большой вопрос. В заведении никто не контролировал, сколько и чего я пил, в их интересах было как раз продать мне как можно больше выпивки. Дома меня тоже никто не ограничивал с этим, но там я всегда находился в выделенных покоях и быстрее отрубался в собственной кровати, что служило определённым сигналом к прекращению банкета. Здесь мне заснуть на их диване не позволили и дёргали буквально каждый час, что только не предлагая попробовать.

Последние два года я жил во дворце своего короля, где не было никаких проблем с выпивкой и по первому зову в моих покоях оказывалось всё, что душе угодно. Риан, как просил себя называть сам король, считал меня другом, но должность первого заместителя всё же отошла Велианту Кристу, исключительно из-за большего опыта и влияния среди офицеров армии и остальных подданных. Ведь тот служил ещё матери Риана, а до этого какое-то время состоял на службе отца жениха моей сестры. К королю у меня никогда не было претензий или вопросов, я его прекрасно во всём пони-

мал и поддерживал чем мог, но вот лорда Криста ненавидел всей душой. Хоть за два года работы с ним я и не заметил за мужчиной ничего, что могло вызвать у меня такое отношение, но осадок от поступков, совершённых им ранее, остался. Ну и свою роль сыграл всем известный факт, что именно он оказался не безразличен принцессе Вентире. Нет, я готов был проиграть её Риану, он ведь стал королём, да ещё был наделён божественной силой, но, смотря на Велианта Криста, который был старше меня вдвое, я не мог принять выбор девушки. И вот при всём при этом я еду в Эдельстаун, чтобы оттуда отплыть в соседнюю страну для спасения принцессы, отвергшей меня ради типа, оставшегося за главного во дворце моего короля. Просто замечательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.